

Я Б Л О Н О В Ы Е Ч И Т А

Усть-Кут

Водайбо

Нерпо

Амалык
пор. Делюн-Оронский
оз. Оронское

пор Парамский

Нялты

2467

мур

мок

Бамбуйка

Калар

Витим

Калакан

Калдкан

Лена

Тринадцатый
Байкал
1742

Шипишико

Романовка

1576

Улан-Удэ

Читá

КЛУБ ТУРИСТОВ
ЧИТАЛЬНИЙ ЗАВ. 857

О Т Ч Ё Т

ВОДНОМ ПОХОДЕ ПО РЕКЕ ВИТИМУ

III категории трудности

июль 1958 года.

Руководитель группы

Юшманов Е.Е.

70й райсовет "Динамо"

Москва 1959 г.

Содержание

- I. Дневник путешествия
- II. Приложение
 - а/ Общая характеристика Витима
 - б/ Описание реки по участкам
 - в/ Источники информации
 - г/ Снаряжение, смета

Состав группы.

1. Кузьмина Лариса.
2. Кузьмин Рем.
3. Панин Борис.
4. Пирожков Станислав.
5. Степанянц Ганна.
6. Стрелков Вячеслав.
7. Чудинов Элькон.
8. Юшманов Евгений.

Пирожков С.

Юшманов Е.

Чудинов Э.

Степанянц Э.

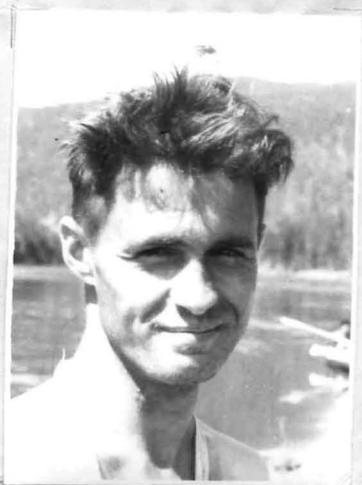
Панин Б.

Кузьмина Л.

Стрелков В.

Кузьмин Д.

Достоинство любого отчета — в его четкости и краткости. И все же, рискуя вызвать упреки, мы сочли необходимым начать с описания увиденного и встреченного нами на Витиме в самой общей и, по мере наших способностей, художественной форме. Мы стремились передать всю дику и полную опасностей прелесть этой своенравной реки, всю её романтику — то, ради чего, в конечном счете, и существует туризм. Сознательно опуская технические детали, мы, в то же время, не избегали собственных переживаний. Свою задачу мы сочтем выполненной, если сможем заинтересовать этой рекой людей смелых, но достаточно рассудительных и опытных, и остудить пыл таких начинающих авантюристов, которые готовы плыть куда угодно, не имея представления о размерах ожидающей их опасности. Для тех же, кто решит отправиться на Витим, мы сделали приложение, где собрали все сведения, которые мы имеем, не пускаясь в догадки и домыслы.

* ————— *

Идея проплыть Витим на байдарках родилась еще осенью 1957г. Предварительные сведения, полученные главным образом из писем, подтвердили, что мы имеем дело с редким сочетанием, когда интереснейший и полный препятствий водный маршрут, несмотря на громадную длину (1200 км), может быть пройден относительно быстро. Подходы и обратный путь по Лене были тоже достаточно удобны, и при этом охватывался гигантский район Забайкалья, столь живописно изображенный в преисполненной таёжной романтики книге Шишкова "Угрюм-река". Создав инициативное ядро, мы начали подготовку похода.

Известно, что порядочная тройка на три пятых состоит из подготовки, и только на две пятых — из самого похода. Особенно если при этом приходится собирать сведения по крохам, обращаясь в десяток организаций, могущих иметь хоть какие-нибудь материалы, или месяцами ожидая писем из далеких краев в надежде получить карты и лоции, которых нет в Москве. Так, например, наиболее подробные материалы мы получили из Бодайбо и Якутска, в Москве же достали одну лишь километровку. Так прошла зима.

Чем ближе к отъезду, тем больше число препятствий, встающих на пути. Сегодня отдел кадров не даёт дополнительных отпусков; завтра маршрутная комиссия, исходя из твоих же интересов, после долгого разбирательства ^вносит в мрачном молчании смертный приговор первоначальному недоработанному варианту; потом оказывается, что нет надежных байдарок, или не дают денег и т.д., и т.п., разве всё перечислишь! Не говоря уже о более мелких заботах: проклейка лодок, изготовление плащей и непромокаемых мешков, упаковка, шитье общего спального мешка, оформление документов, доставание билетов, и закупка, закупка, закупка... Напряжение растет с каждым днем, в штаб-квартире стоит дым коромыслом, в орбиту сборов вовлекаются все родители, друзья и знакомые. И вот, наконец, воскресным утром все на вокзале. Изнуренные бесчисленными заботами, ставшие раздражительными, с покрасневшими от бессонных ночей глазами участники похода заметно отличаются от по-летнему свежей толпы провожающих. Но мы довольны: всё сделано именно так, как хотелось, и нет нужды судорожно рыться в памяти, не забыли ли что.

Известно, что первоначальная группа на три недели состояла из
полюсников, и только на две недели - из землекопов. Однако
по всем этим причинам приходится сообщать сведения по дорогам, одна-
конец в лесной организации, между ними есть какие-нибудь
материалы, или материалы, которые имеют из себя не только в лесу,
из попутных карт и документов, которые нет в Москве, так, например,

В Чуме.

Известно, что первоначальная группа на три недели состояла из
полюсников, и только на две недели - из землекопов. Однако
по всем этим причинам приходится сообщать сведения по дорогам, одна-
конец в лесной организации, между ними есть какие-нибудь
материалы, или материалы, которые имеют из себя не только в лесу,
из попутных карт и документов, которые нет в Москве, так, например,

Поезд Москва-Владивосток трогается, знакомые лица плывут назад, но мы еще долго стоим в тамбуре, переживая прощание и осваиваясь с непривычным состоянием, когда не нужно ничего делать и не надо никуда торопиться. Потом отправляемся спать. Это было 22 июня 1958 года.

28 июня. Чита. Раннее утро, солнце только еще встает из-за гор, улочки города затянуты ледяным туманом. За Уральским хребтом величина городов убывает с расстоянием в геометрической прогрессии: Новосибирск значительно меньше Свердловска, но намного превосходит Иркутск, который, в свою очередь, вместил бы несколько таких городов, как Чита. Чтобы дойти до центра, потребовалось десять минут, а весь осмотр внешних достопримечательностей пока еще спящего города занял около часа. Когда появились первые прохожие, мы заняли пост у диспетчерского пункта грузовых такси. В половине девятого одна из машин была зафрахтована; сговорились на пятистах рублях.

Стапятидесятисеми-километровая дорога до Романовки, хотя и проходит по таежному плоскогорью, все же проложена превосходно, и машина мчится по ней со скоростью 50-60 км в час, так что в полдень мы уже подъезжали к Романовке. Большой деревянный поселок, иногда называемый "портом", разморенный жарой, казался безлюдным. Витим был скрыт домами. Как она выглядит, эта "дурная река", про которую шофер говорил, что ни одна экспедиция не проходит ее благополучно? Мы ожидали увидеть стремительную сильную реку, но первая встреча обескуражила нас. "Грозная" река предстала перед нами обширным неподвижным и довольно мелким

Паром через Витим.

плёсом, у обоих берегов которого стояли десятки барок-карбазов, груженных, пустых или строящихся. Туда ли уж мы попали? Может быть, это величайшая глупость идти на байдарках по реке, где плавают такие махины? Терзаемые сомнениями, мы отправились к председателю сельсовета, которого знали по переписке. Иннокентий Белобородов, наш знакомый, оказался невысоким бурятом с не улыбающимся лицом. Он рассказал, что сейчас на Витиме очень низкая межень, на два метра ниже сплавного уровня, и идти можно разве только на маленькой лодочке, если её не затопит на шиверах, в чем он далеко не был уверен.

Остаток дня прошел в сборах: делили груз, распределенный по лодкам еще в поезде, упаковывали продукты и вещи в полиэтиленовые мешки, собирали байдарки. Выход был намечен на завтра, чтобы не упускать хорошей погоды.

Предстояло еще собрать сведения у местных лощманов. Нам посоветовали поговорить с Алексеем Емельяновым. Это оказался почти шестидесятилетний, но еще очень крепкий человек. Металлические зубы, вставленные взамен выбитых, не портили спокойного выдубленного лица с умными глазами, а в его словно деревянной ручище без двух пальцев наши ладони были беспомощны. Договорились встретиться на завтра у его барки. Но эта беседа дала нам немного; зная наизусть всю реку до Муи, Емельянов ничего не мог показать по карте — он был неграмотен. Столь же парадоксально оказалось и то, что будучи лощманом более тридцати лет, он не умел плавать. Пока мы беседовали на крыше его карбаза, какой-то бойкий старикашка проковылял по качающейся доске, перекинутой с берега, пробрался по нагроможденным бочкам и подсел к нам.

Оказалось, это тоже старый лоцман, доживающий девятый десяток. Крепок же народ на Витиме!

Наши собеседники, - их было человека четыре, - узнав, как мы собираемся плыть, не пытались нас отговаривать, а просто предупредили об опасности, посоветовав быть очень осторожными. Нужно сказать, что и позже, в Южно-Муйском хребте или у порогов, нас также никто никогда не отговаривал и не страдал. "Лоцмана" говорили об опасности и гибели людей просто, даже как-то буднично, молчаливо полагая, что вы сами знаете, на что идете. Возможно, судя по себе, они считают всех людей более смелыми, чем те есть на самом деле.

29 июня. Накануне мы со всем своим хозяйством разместились в школьном клубе, обширное помещение которого как нельзя лучше подходило для этих целей. Утром упаковка и сборы были закончены, собранные байдарки вынесены на берег и загружены. В двенадцать часов мы начали свое плавание по Витиму.

Впереди лежал, как нам говорили, самый трудный участок, сто двадцать километров до р. Ингур. Здесь большое падение, имеются десятки бурных шивер и перекатов. Однако все сведения относились к высокой воде, а в межень, как мы скоро убедились, эти препятствия очень опасны для байдарок и груза, но не для людей. Зато по трудоемкости и трате времени этот участок занимает первое место.

Четыре дня, пока мы добивались до Ингура, лучше описывать вместе. Это были трудные и тяжелые, но в общем совсем не плохие дни, т.к. превосходная погода, теплая вода и малое количество гнуса скрашивали наш труд. Дождь начался только на четвертый день, когда основные препятствия были уже позади.

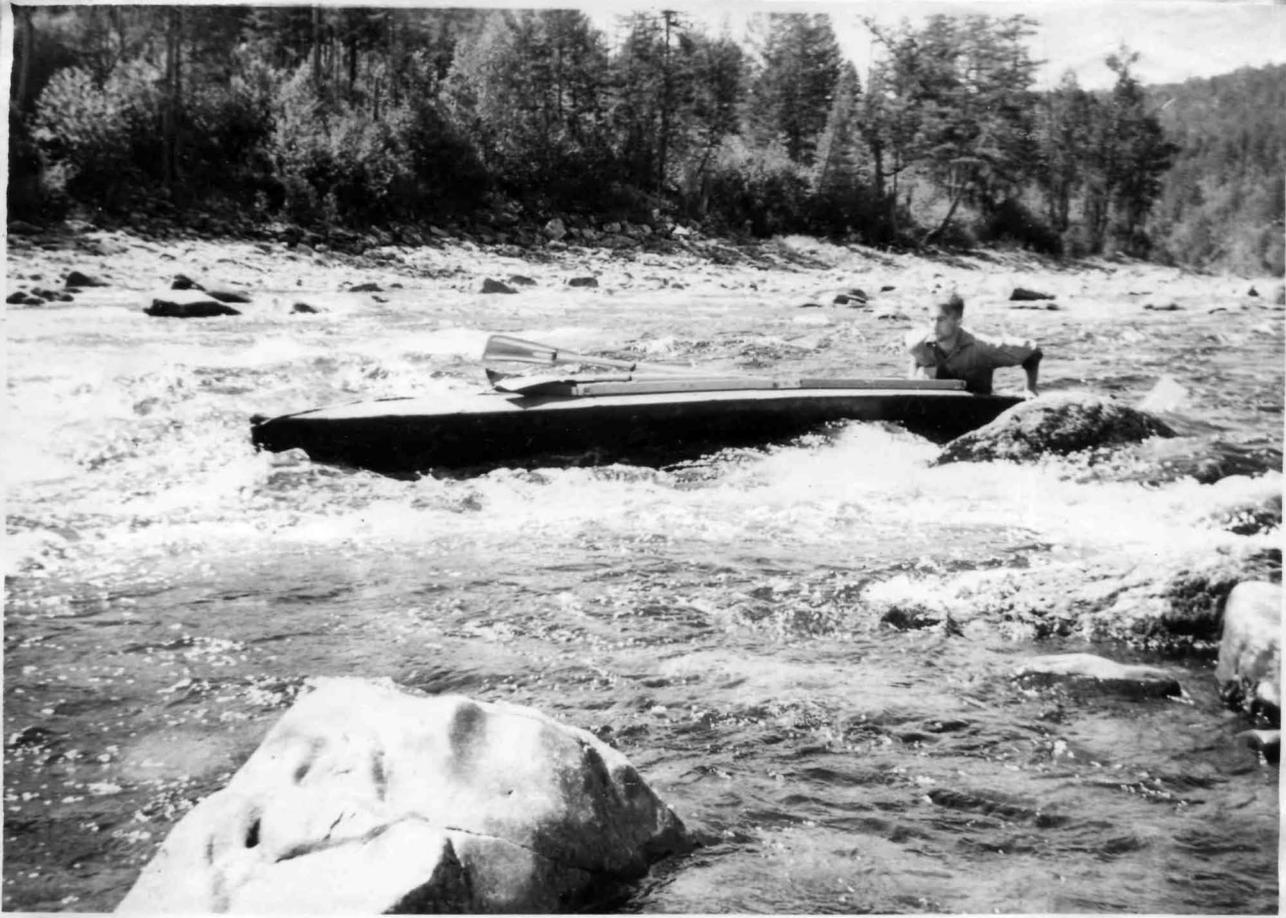

Первые шиверы.

Река представляет бесконечную цепь почти неподвижных глубоких плесов, соединенных шиверами. Сами шиверы совершенно не похожи одна на другую. На одних главные препятствия — отполированные каменные зубы, которые торчат сейчас на суше, а узкий слив короток и чист. На других, наоборот, камни расположены так, что невозможно пройти на байдарке, не задевая их. Иногда такая шивера имеет длину всего 100–200 м, а другой раз тянется на километры. Что здесь происходит в высокую воду — гадать не беремся.

К каждой шивере нужен свой подход. Наиболее простой и скучный способ — когда один человек, или вдвоем, проводят байдарку бродком, по колени, по пояс, а то и по грудь в воде. Особенно достается при этом ногам, хотя и обутым; чтобы не ободраться о камни, приходится одевать легкие штаны и рубашу. Когда же есть более — менее выраженная главная струя и имеется хотя бы теоретическая возможность проскользнуть среди камней, обычно предпочитали сплав. Такой сплав, особенно в первые разы, полон острых ощущений. Бушующая струя захватывает лодку, буруны наваливаются то справа, то слева, навстречу несутся берега, камни, бездонное небо и слепящее солнце. Сидя верхом на корме лодки, работаешь не столько веслом, сколько корпусом, создавая нужный крен, а очень часто действуешь и ногами, отталкиваясь от камней. Если увернуться не удастся — приходится не мешкая выскакивать на камень, а пустая байдарка никогда не разобьется и не захлебнется водой. Ее можно спокойно развернуть как угодно и продолжать движение. А однажды, когда у Элькона в шивере выбило весло, он прошел остаток пути лежа животом на корме байдарки, используя ноги в качестве руля и двигателя. Впрочем,

Особинно докато се движат по вода, те са в безопасност. Но когато са на суша, те са в опасност. Това е истината.

мы не устанавливали единого способа прохождения той или иной шиверы, каждый экипаж действовал согласно своему темпераменту. Но так или иначе, почти всякий раз какая-нибудь из лодок получала дыру. Её наскоро заделывали пластырем, оставляя капитальную клейку до вечера. В общем же байдарка — превосходное по своей остойчивости и послушности судно.

В средней части этого участка такие шиверы следуют одна за другой, и за день напряженной работы можно пройти всего лишь 15-20 км.

Вечер... Лагерь уже разбит. Дров изобилие. Тайга состоит только из лиственницы, и ее длинные, сухие звонкие стволы всюду торчат на берегах. Они мало годятся для постройки плота, зато трудно выдумать лучшие дрова, чем по-настоящему сухая лиственница. Наколотые кругляки горят очень долго, жарким, ровным и некопящим пламенем.

Кто свободен, ремонтируют и заново проклеивают байдарки на берегу, отбиваясь от гнуса, появляющегося после захода солнца. Дежурные варят щи, борщ или суп, готовят второе и компот. Кто-нибудь еще делает лепешки. К ним мы отнеслись очень серьезно, взяв с собой две большие сковородки и специальное ведро для квашни, которую заводили утром и везли весь день, так что к вечеру подходило превосходное кислое тесто.

После ужина, когда совсем темно, все не надолго собирается у костра, просто посидеть глядя в огонь и помолчать. По долине тянет ледяной ветерок, и прихваченная холодом тайга затаилась и притихла. О чем-то ворчит спрятавшаяся за тьмой река, а если прислушаться, то можно уловить шум дальних шивер

На плёсе.

после
швервы.

сверху и снизу. В одиннадцать часов расходимся по палаткам.

Обычное утро не заслуживает специального описания. Здесь все посвящено одной цели: как можно быстрее собраться и выплыть, тратя на это не более двух часов. Поэтому настроение у каждого очень деловое, и лирике предаваться не приходится.

3 июля. Вчера к концу дня миновали Ингур. Трудный участок пройден. Теперь почти триста километров, до реки Каренги, предстоит плыть по спокойному месту, где шиверы редки.

В этот день, однако, мы далеко не ушли: один из нас неожиданно заболел, причем по-настоящему, так что требовалось немедленно принять меры. По счастью, мы были всего в 10-15 км от р. Мурчена. Выше по этому притоку есть поселок, связанный с большой землей. Туда мы и отправились по таежной тропе, полные самых невеселых мыслей. Но все кончилось хорошо. Несмотря на острый приступ, болезнь оказалась не опасной, и на следующий день больной с провожатым вернулись в лагерь.

Место впадения Мурчена в Витим очень живописно. Над широким спокойным омутом возвышается громадная черная скала с белым крестом на острой вершине. Впрочем, романтики тут не кроется - крест поставили гидрологи для каких-то своих нужд.

Начиная примерно с этого места и на протяжении 900 км. Витим отделяет Бурят-Монголию от Читинской области. Одновременно он служит и границей часовых поясов, поэтому на правом берегу времени всегда на час больше, чем на левом.

4 июля. Потеряв сутки, мы в полдень двинулись дальше. Пять довольно однообразных дней, пока мы проходили этот участок оставили наименьшее впечатление. Вода по-прежнему стояла низкая

сверку и снизу. В старинных летописях рассказывается, что в
 Обином устье не забываются описания этого описания. Устье
 все полагается оной реки: как видно из описания описания и в
 нити, вода на это не была двух лет. Вода, полагается у
 каждого очень большое, и много выделается по описанию.
 В водах в концы два-три года. В водах в концы два-три года.

Юмурченская скала.

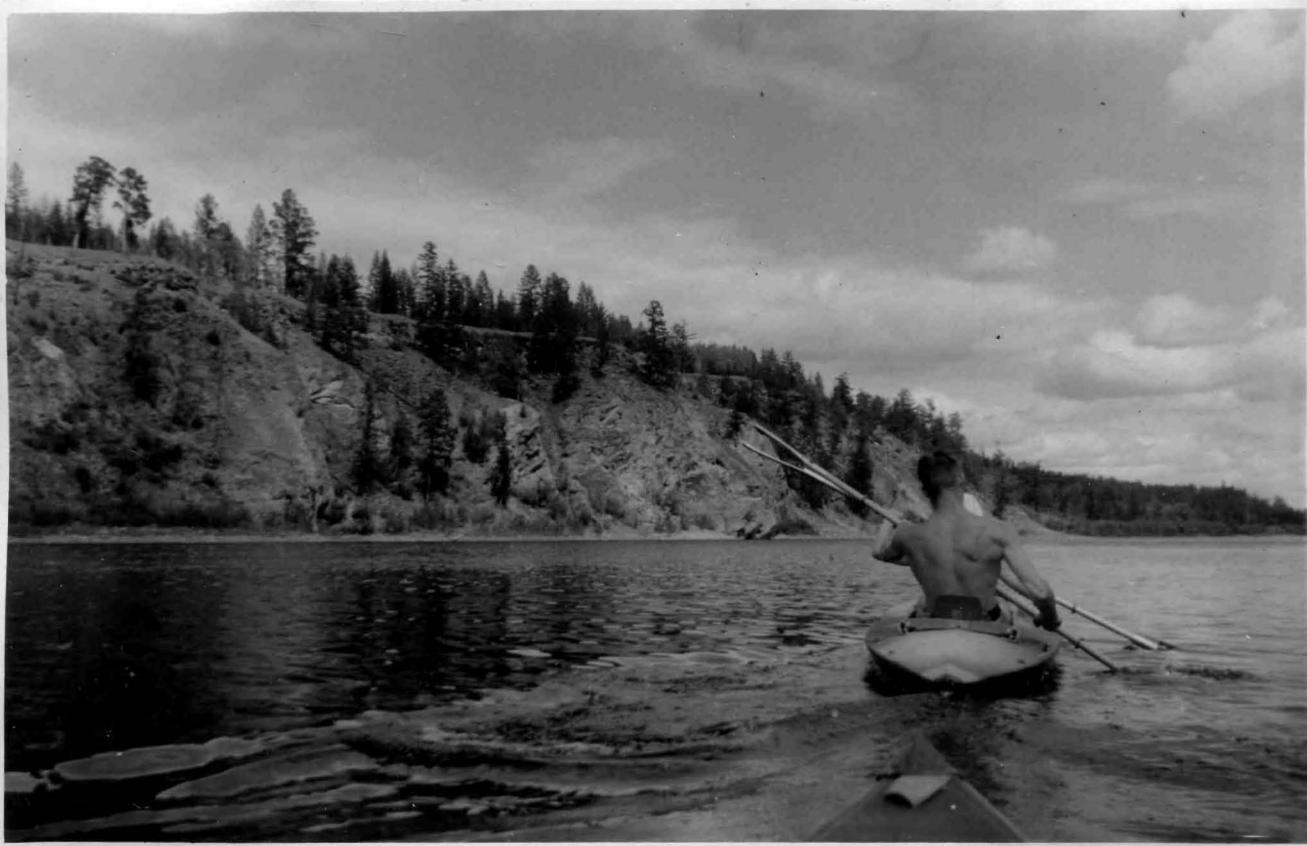
В водах в концы два-три года. В водах в концы два-три года.
 В водах в концы два-три года. В водах в концы два-три года.
 В водах в концы два-три года. В водах в концы два-три года.
 В водах в концы два-три года. В водах в концы два-три года.
 В водах в концы два-три года. В водах в концы два-три года.

течение подхватывало только на перекатах и шиверах. Перекаты обычно расположены у разветвления, они широкие и мелкие, так что приходится выскакивать из лодки, особенно если попадешь не в ту протоку. Шиверы встречаются редко, обычно они с прямым, коротким и сильным сливом без камней. Известного внимания заслуживают Шипишки. Пять "малых Шипишек" — довольно приличные, особенно первая, где даже в малую воду в воротах гуляет крепкий вал. Шивера "Большая Шипишка" и вовсе хороша. На первой гряде приходится то и дело увертываться от камней. Вторая гряда представляет короткий слив, всего метров сто—сто пятьдесят, начинающийся на повороте. На всем сливе натканы большие камни, но воды хватает, чтобы байдарка могла скользнуть в буруне над ними. Если шиверы до Ингура были в основном мелки и каменисты, то на Шипишках струя уже значительно сильнее, и прохождение этих шивер дает иные ощущения, заслуживающие того, чтобы на них остановиться.

Вот, просмотрев шиверу и выбрав путь, вы входите в наплыв. В этот решающий момент на первых порах всегда легонько посасывает под ложечкой, потому что после того, как вода подхватила байдарку и понесла ее вниз по пока еще гладкой поверхности — с этого мгновения все пути уже отрезаны, и нельзя ни вернуться, ни передумать. Остается обратить все силы и внимание на то, чтобы случайно не выбиться из струи или не развернуться боком к валам, течению и камням. Если же выбор пути сделан неверно — тогда все надежды на вашу индивидуальную везучесть. Но вот лодка уже проскочила мимо самых опасных камней, лишь слегка оцарапавшись, и вслед за этим в нижней части

но вода течёт, тогда вода не стоит, а бурлит и
шумит. Если выйдете на берег, то увидите
то на берегу есть уже значительное количество
камней, и вода течёт по ним.

шиверы вы попадаете в толчею валов, за гребнями которых исчезают берег и другие лодки. Почти метровой высоты, с крутыми боками, белые от пены, ревущие стояки один за другим катятся на вас (на самом деле они неподвижны, а мчится лодка), но если байдарка идет правильно, то она отчасти взлетает на вал, отчасти режет его, но проходит благополучно. Часть воды обрушивается на переднего, иногда прямо в лицо, а главная масса наваливается сбоку, попадая в байдарку. Но вот валы мельчают, переходя в беспорядочную зыбь; тогда вы направляете лодку в сторону, в улово, и встречная струя мягко разворачивает вас и прижимает к берегу. Здесь можно отлить воду, а затем продолжать путь.

Но прохождение шивер — лишь отдельные оживленные моменты, вообще же путь на этом участке простой и довольно однообразный, требующий упорной ритмичной работы, рассчитанной на долгие часы. А время уже начало нас подгонять. Вечером шестого дня мы со смехом и шутками отметили юбилей — впереди осталась "всего" тысяча километров. Приходилось нажимать, и на следующий же день мы впервые прошли 60 км, а еще на следующий — больше восьмидесяти. Течение почти не чувствовалось (проклятая низкая вода! — как мы ее только не поносили в те дни), а день за днем проходить такие расстояния на веслах, когда байдарки нагружены "по полной выкладке", вовсе не легко. К тому же на смену живописным диким утесам здесь пришли ровные невысокие берега, иногда с пологими древними горами, иногда с болотами. И всюду бесконечная светлая лиственничная тайга. На реке то и дело попадаются выводки уток, убегающие от байдарки на протяжении многих километров,

пока обессилевшие утята с жалобным писком не начинают один за другим отставать. А однажды впереди нас часа два плыл огромный лебедь, когда же гонка ему надоела, он улетел. На берегах много зверья, и не удивляйтесь, если вы из лодки увидите желтую косулю или рано утром в ста метрах за палатками встретите пасущегося изюбря.

Люди встречаются почти ежедневно. Это или маленькое поселение в несколько домиков, или фактория, или отряд гидрологов, или же, наконец, семейство тунгусов, кочующее с оленями по тайге. А однажды произошла неожиданная встреча. На каком-то длинном и быстром кривом перекате мы нагнали надувную лодочку с двумя сидевшими в ней парнями. Крепкие загорелые фигуры в изодранной выцветшей одежде, темные, слегка осунувшиеся, как у всех таежников, лица, выгоревшие волосы. В лодочке брошена пара тощих рюкзаков, ведерко, винтовка и рыболовная снасть. Конечно же это были геологи, и не какие другие, а читинские, те самые, с которыми мы переписывались при подготовке похода. Они нас сразу узнали, и все были очень рады встрече. Наверное с полчаса мы оживленно беседовали, сообщали и узнавали "последние" новости, рассказывали друг о друге, о работе, о реке. Но если бы при этом присутствовал какой-нибудь москвич, он бы наверное недоумённо пожал плечами: в самом деле, как могут люди, давно знакомые по письмам и лишь впервые неожиданно встретившиеся в дебрях Забайкалья оставаться такими немногословными, почти равнодушными? Но сдержанность — основное правило хорошего тона чуть ли не во всей таежной Сибири, и чем дальше от городов, тем скупее люди расходуют слова. Однако и в немногих фразах они

Путь.
По похолоданию воды - была слышна слышимость
по воде и путь на этом не был возможен, поэтому отсюда

В дождь.

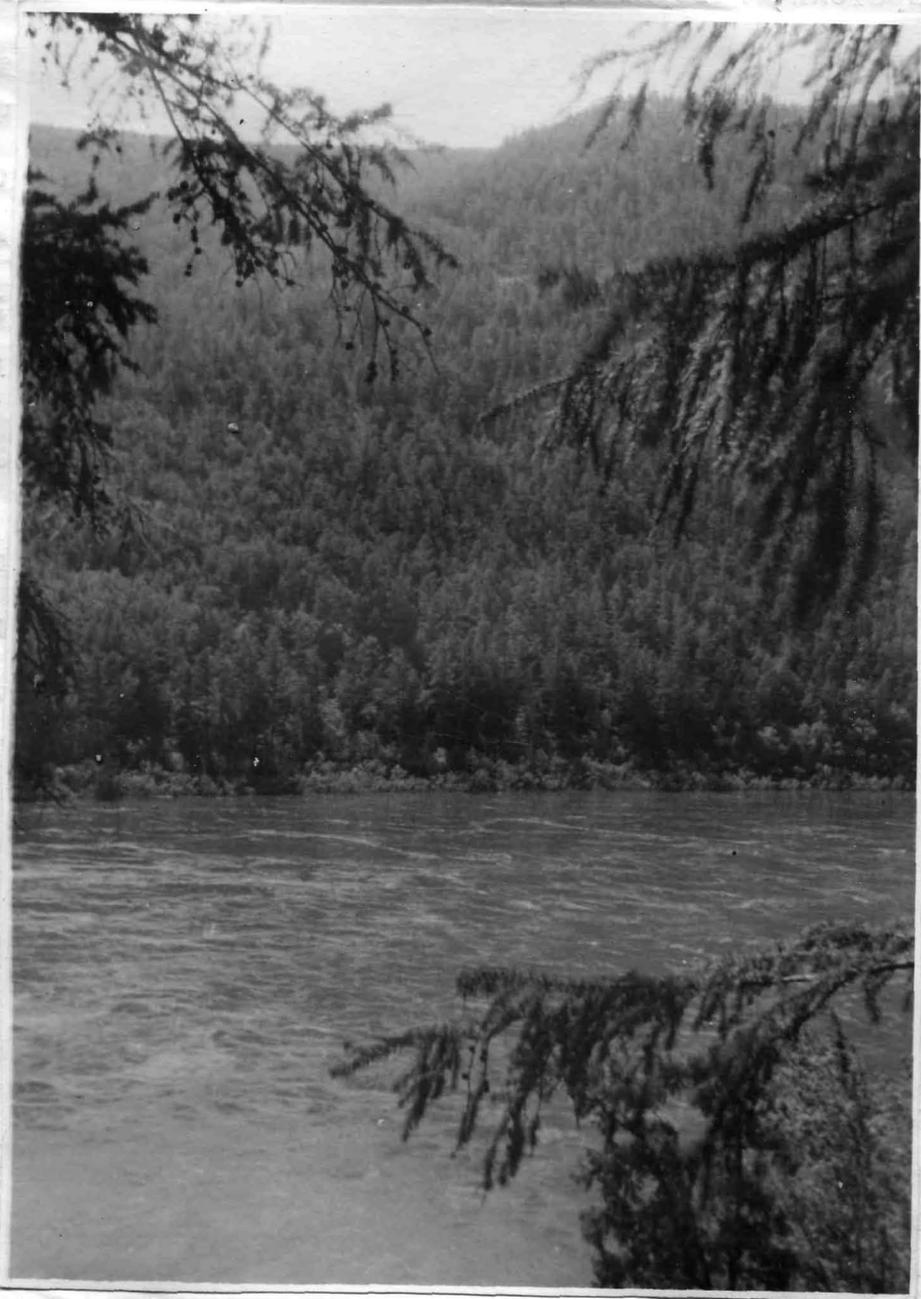

прекрасно умеют многое сообщить и многое выразить.

Единственный "настоящий" поселок, где есть телеграф, магазин и тропа "в район" — это прииск Шипишки. Здесь живут артельщики-старатели, которые на небольших государственных драгах моют золото прямо со дна Витима. Мы просидели в избе одного из них — Емельянова, брата романовского лоцмана — около часа, беседуя с обитателями, людьми приветливыми, домовитыми и довольно культурными.

Только 7 июля, на десятый день, погода начала портиться всерьез. Еще с вечера небо затянула серая пелена, утром было и вовсе пасмурно, а с обеда начался дождь, неуклонно, час за часом наращивавший темп, пока не забарабанил по деке ровно и густо. Но судьба нам улыбнулась: около семи часов вечера на правом берегу показалась пара-другая избушек. То были давным-давно покинутые полуразрушенные жилища, хотя на одной из карт СССР эта точка отмечена как поселок, кажется Усть-Берея. Часа через два один из домиков превратился в уютное жильё, защищенное от дождя и гнуса. Для этого пришлось обшарить остальные избушки: в одной нашлась дверь, в другой — дырявая печурка, от третьей было взято корье на ремонт крыши.

8 июля. Дождь продолжался всю ночь и утром молотил с неослабевшим упорством. В подобных условиях ночевка в теплой избе всегда расслабляет, и выход невольно задерживается. И все же, несмотря на холод и дождь, все настроены приподнято и ожидающе: река заметно поднялась, и на плесе — впервые за весь поход! — появилось течение. До Каренги осталось всего 50–60 км, а там, за поворотом, мы выйдем на новый интересный участок.

Витим поднялся.

Но и сегодня река уже заметно не та. Она потемнела, покрылась водоворотами и зыбью, дамы скрылись галечные отмели и косы, утонули перекаты. И если вчера вода была еще теплой, то сегодня она обжигающе холодна. Причина этого — в вечной мерзлоте, по ледяному панцирю которой дождевая вода за несколько часов скатывается в реки. На наших глазах не только речушки, но даже крошечные ручейки и ключики переполнились так, что их желтая грязная вода извергалась в реку мощными каскадами, как из лопнувшей магистральной трубы. Именно так и рождаются неожиданные и грозные паводки, создавшие Витиму славу "дурной реки".

После обеда дождь пошел реже и, наконец, кончился. Мы уже подплывали к Каренге. Вот и поворот на север. Справа из-за острова вырвалась бурная струя; на грязносерых, совершенно мутных волнах плыли коряги, кусты, целые деревья. Витим изменился резко и неузнаваемо. Залитые заросли по берегам, грязная вода, наполненная песком, хвоей, мусором, воронки водоворотов и неудержимое течение. Встречный ветер, дувший, казалось, из дыр, прорванных в тучах, был настолько резок, что временами не давал провести весло; и все же прибрежные утесы и повороты приближались с непривычной быстротой. За полтора часа было пройдено километров двадцать. Пристали к небольшому крутому откосу — единственному пригодному пятачку среди бесконечного залитого кустарника. Пока разгружали байдарки, подымающаяся вода буквально наступала на пятки. Поэтому лодки подняли на высокий берег к палаткам.

9 июля. Накануне вечером мы вступили в новый участок, где Витим на протяжении более 200 км проложил русло сквозь широкий горный массив. Эти горы невысоки, но, видимо, достаточно крепки, поэтому река образует десятки шивер и перекатов, а на берегах тут и там стоят бойцовые утесы, подстерегая неосторожных. Емельянов в Романовке особо предупреждал нас о всяких ловушках на этом участке.

Проснувшись в семь часов, мы первым делом взглянули на небо и на реку. Небо было хорошим, а река — река за ночь подобралась к самой бровке берега, и было трудно поверить, что еще позавчера мы свободно шныряли от берега к берегу и на перекатах выскакивали в воду. Сейчас в наполненном до краев трехсотметровом ложе вода мчалась со скоростью до пятнадцати километров в час, мимо проносились хлопья пены, кусты, коряги, крутились шипящие мутные водовороты.

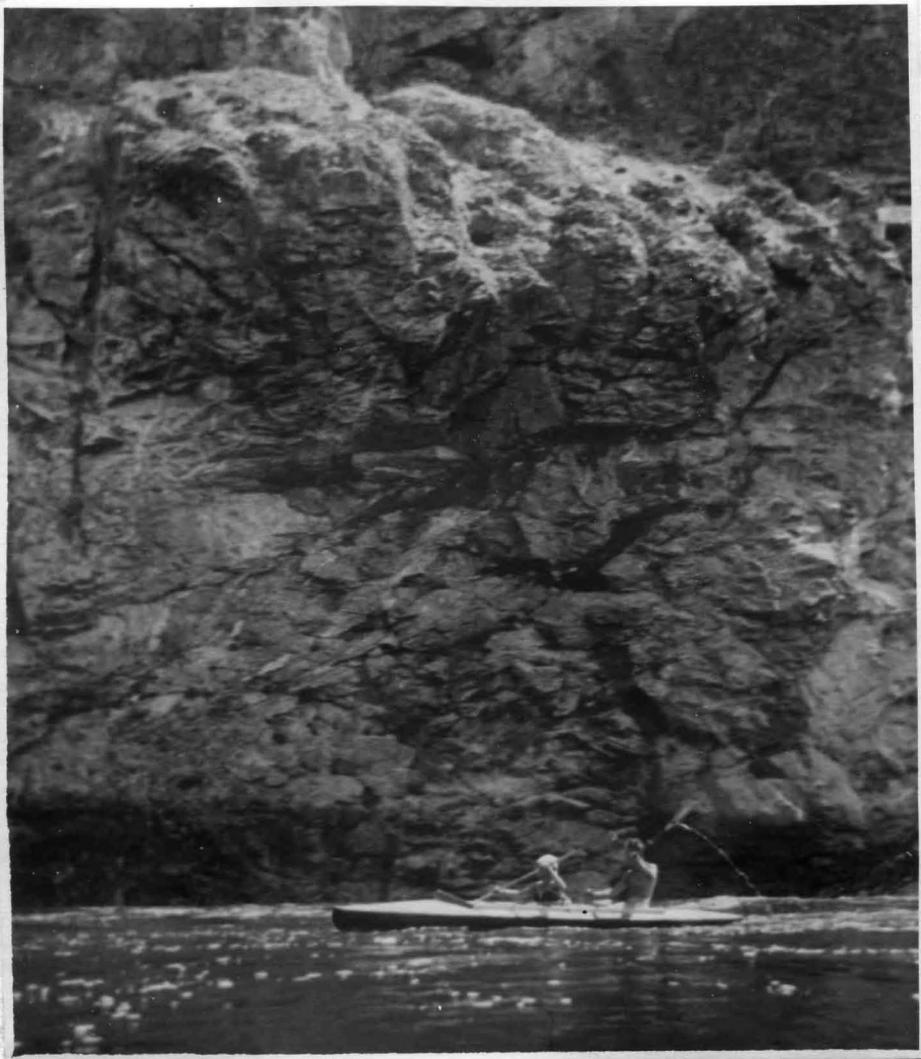
При хорошей погоде на завтрак и сбор уходит всего часа полтора-два, и около девяти мы уже отчалили от берега. Туго завязаны и прочно укреплены непромокаемые мешки с грузом, натянуты фартуки, люди в легкой одежде сидят на резиновых кругах, передний пониже, задний повыше. Мы ждем встречи с шиверами, которые начнутся сейчас за поворотом. Как-то они выглядят здесь? Вот поворот, передний встает, осматривается, и его фигура изображает недоумение: впереди, до следующего поворота, только ровная блестящая стремнина, волнуемая широкой плавной зыбью. Шивера утонула! Когда же мы убедились, что и вторая, и третья, и все последующие шиверы и перебаты разделили участь первой, мы возликовали. Сбросив штаны и рубахи, рассевшись в свободных

позах, подставляя солнцу то один бок, то другой, в зависимости от поворота реки, мы уже знали, что этот участок нам не опасен. От шивер осталась одна зыбь, а грозные для плотов и барок "бойцы" нас беспокоили мало, т.к. байдарка уходит от них без всякого труда. Чем дальше мы плыли, тем круче и выше становились подымавшиеся прямо от воды горы, суровее и живописнее тайга. И лишь упорный холодный встречный ветер отравлял жизнь. Он плох не тем, что съедает пять-шесть километров в час — бег с ними, если и без того остается восемнадцать, а то и двадцать-то этого достаточно. Вреден встречный ветер тем, что постоянно погоняет, подстегивает увеличить темп, и сколько не одергивай себя, через час чувствуешь, что спина затекла, плечи ноют, необходим перекур (понятие условное, ибо никто не курил). Но так или иначе, когда мы высадились на теплый валунный островок обедать, позади оставалось не менее шестидесяти километров.

Часов в шесть горы впереди нас расступились, и на ровном правом берегу показались домики Калакана. Это крупный по местным масштабам поселок. Однажды, еще в поезде, когда мы смотрели в "Правде" трассу третьего спутника, где-то между Калькуттой и Гонконгом промелькнул и Калакан. Едва ли из сотни миллионов людей, просматривавших газету, хотя бы тысяча могла сказать, где он находится. Мы же сейчас причаливали к его крутому глинистому берегу. Если из Калакана стакилометровым радиусом провести окружность, в нее не попадет ни одного населенного пункта, только лишь непроходимая горная тайга. И все же здесь есть телеграф, неплохой магазин и школа. Продукты и товары завозятся дважды в год — в основном зимой на машинах, и немного — с летним сплавом, которого уже ожидали.

Отправив почту и купив кое-каких продуктов, мы простились и поплыли дальше, намереваясь где-нибудь за поворотом заночевать. Но километр мелькая за километром, а по сторонам тянулись либо каменные кручи, либо непролазные залитые кусты. Прошло не менее часа, прежде чем мы разглядели далеко впереди небольшой чистый пятачок. Повернув лодки наперерез течению и отчаянно гребя, мы пробились сквозь полосу бурных водоворотов, отделяющих стрежень от прибрежной воды, и в последний момент, когда пятачок уже проносился мимо нас, зацепились за обратную струю, которая плавно поднесла лодки к берегу. Место оказалось вполне удобным. Через час уже весело трещал костер, бурлил суп, фырчали лепешки и т.д. — но это уже не интересно. Лучше остановимся на особенностях плавания в новых условиях, с которыми мы впервые и в полной мере столкнулись в этот день, и не расставались уже до самого Бодайбо.

Эти особенности рождены необычной мощью реки. Пусть вас не обманет малый средний уклон Витима в этих местах — всего около 0,7 метра на километр. При том огромном количестве воды, которое несется здесь во время паводков (а паводки продолжаются все лето), плавание по реке в отношении техники гораздо сложнее и разнообразнее, а в отношении впечатлений — гораздо острее и интереснее, чем на небольших реках, хотя и гораздо более крутых. Острота создается громадной скоростью и той непреодолимой силой, с которой вода подавляет все ваши попытки действовать не так, как того хочет река — если вы были столь неловки, что поставили себя в такое положение. Искусство плавания в том и состоит, чтобы всегда и всюду достигать своей цели не споря с течением —

В ущелье.

и тогда его стремительность и сила обращаются в союзников. При этом вы постепенно перестаете ощущать остроту скорости, как ее не чувствует опытный шофер — пока не попадет в аварию.

Об авариях. Трудно представить ситуацию, ведущую к беде, если вы, уже освоившись, проходите участок без шивер; это все равно, что упасть на ровном месте. Но уж если авария случится, то еще труднее представить, как вы сможете спастись. Пусть вы превосходно плаваете, пусть у вас есть спасательные средства — на Витиме все это ни к чему. Ледяная вода через несколько минут лишит вас способности сопротивляться, а потом будет нести десятки, а то и сотни километров, пока не прибьет к берегу, на радость медведю. Нам немало рассказывали подобных историй. Спасти могут только товарищи, если они сумеют втащить вас в байдарку, не перевернувшись при этом сами.

10 июля. Этот день был повторением вчерашнего. Та же неудержимая стремнина (хотя вода и спала за ночь метра на полтора), то же солнце, те же крутые дикие горы, те же утесы, под которыми бурлит вода. Даже тот же упорный встречный ветер, как бы сшитый из кусочков теплого и холодного воздуха. Еще стоило бы сказать про водовороты, сплошной мозаикой покрывающие всю реку. Широкий водяной бугор высотой в треть метра неожиданно вырастает сбоку и швыряет байдарку в сторону. Первое время мы тут же начинали грести с другой стороны, чтобы выправить положение, но это было крайне утомительно и почти не помогало. Тогда к водоворотам стали относиться философски: повернуло вправо — ну и пусть, не второй, так третий водоворот развернет налево. Так оно и происходило; по-видимому, водовороты действительно расположены в шахматном порядке.

Часов в пять вечера слева, за каменным мысом, острым как лезвие ножа, показалась широкая и неподвижная река — Ципа. На ней не было паводка, и река спокойно стояла, высоко подпертая Витимом.

Еще километров через двадцать горы расступились, и Витим вышел в Бамбуйскую котловину. Как зачарованные глядели мы на суровое и величественное зрелище, раздвигавшееся впереди. Громадный водный простор, высокие желтые волны, вздымаемые ветром, угрюмая тайга на далеких берегах, а в центре всего, на горизонте, в красном свете садящегося солнца — острые заснеженные вершины Южно-Муйского хребта. До них еще полсотни километров, но как же неприятно они выглядят! Это между ними в узком ущельи бушуют главные витимские шиверы. Туда нам завтра идти. А небо опять затягивает дымкой, какие-то нехорошие облака появились на юге. Течение не слабеет, хотя река разлилась на километр и больше. Пройдя еще километров тридцать, становимся на ночлег. За день сделано около 130 км, чуть больше, чем вчера.

11 июля. Сегодня, когда так нужна хорошая погода, небо насувлено и мрачно. Вода продолжает падать, и уже метра на четыре ниже позавчерашнего максимума.

Едва вышли, как нас опять встретил ветер, несущий водяную пыль — то ли с реки, то ли с неба. Вот слева Бамбуйка, дальше Витим сужается и вступает в горы. Причалили к берегу, еще раз внимательно посмотрели и запомнили карту, проверили, все ли в порядке, и тронулись в опасный путь. Идем тесной кучкой, пробиваясь сквозь ветер. Горы, которые вчера видели издали — сейчас над нами. Берега крутые, мрачные, на небе тучи, холодно.

Первая шивера, встретившая нас - Верхне-Тузалинская.

Уже издали видно, что это совсем не то, с чем мы знакомились до сих пор. Опасливо прижимаясь к самому левому берегу, осторожно идем вперед. Справа, совсем недалеко от нас, вздымаются огромные желтые валы, неторопливо, спокойно и мощно. Их могучие движения совершенно неожиданны, направление - любое. На камни нет и намека, они глубоко под водой. Волнение же - это просто гипертрофированная до чудовищных размеров зыбь, раскачиваемая на крутом участке.

Сразу же за шиверой пристали к берегу - для подведения итогов. Собрание короткое, т.к. всем предельно ясно, что эти шиверы - не для наших скорлупок. Чтобы пройти, нужно решительно выкинуть так называемую храбрость, сменив ее на удвоенную и утроенную осторожность.

Дальше лежала Нижне-Тузалинская шивера. Ее предварительно рассмотрели с берега и затем обошли справа, для чего пришлось пересечь струю валов, идущую от какого-то выступа на берегу.

К этому времени реакция на напряжение и холод приобрела форму непереносимого, волчьего голода, и пришлось устраивать обед, после которого наши действия обрели большую уверенность. Следующей была очередь Тульдунской шиверы. Ее видно сразу, едва повернешь направо. На левом берегу из узкого ущелья под острым углом в Витиму вытекает речка Тульдунь; за ней у подножья крутых гор притулился поселок Многообещающая Коса. Прямо против него и бушевала шивера. Уже издали было видно, что она сильнее всех предыдущих. Ее главная струя проходила близ правого берега,

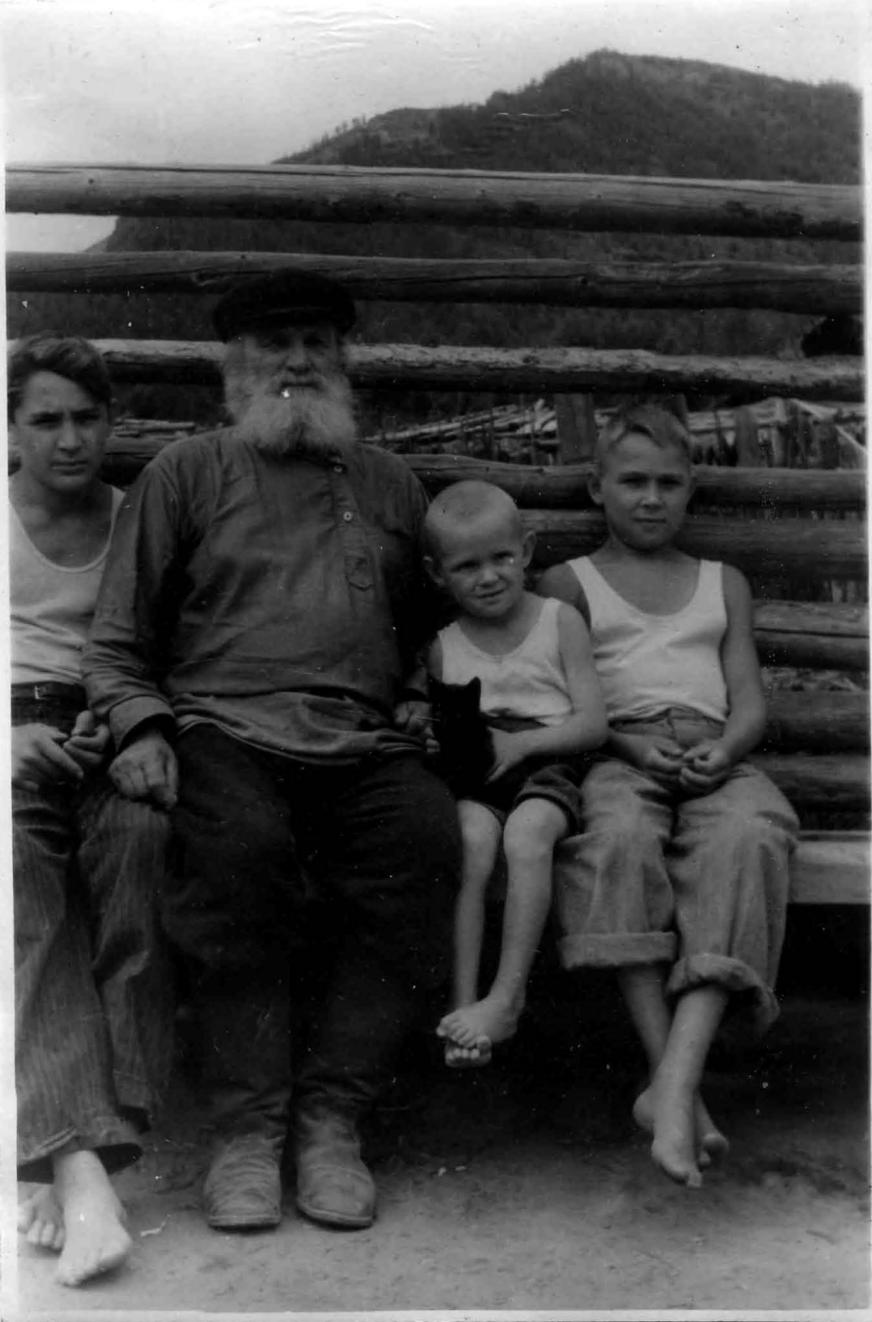

Авария.

оставляя слева широкое пространство залитой валунной косы, где только и можно было пройти. Но сначала, конечно, следовало зайти в посёлок.

На берегу нас встретил кряжистый дед с квадратной кулацкой бородой и несколько женщин. Потом подъехали на лошадях еще один дед и парень в кожаной куртке. Они вместе объяснили нам, как идти дальше, но было видно, что рассказчики и сами толком не знают, что сейчас делается на шиверах. В общем же всё сводилось к тому, что Сивак нужно обходить справа, Благодарную шиверу — также справа, обязательно по берегу, чтобы не попасть в водопады; последнюю, Ивановскую, шиверу, по-видимому, легко удастся пройти слева.

Узнав все, что нам нужно, и приняв напутственные пожелания, мы снова отчалили. Но беда уже подстерегала нас. Впереди лежал крутой слив, на котором из серой воды всюду торчали такие же серые тупые камни. Везде угадать направление струй было немислимо. На намеченном пути далеко впереди среди прочих был виден камень, возможность уйти от которого не вызвала сомнений. Никто не мог предполагать, что проходящая сбоку струя кидается на него, нанося лодку прямо на препятствие. И первая же байдарка попала в эту ловушку, но резко вильнув в последний момент, все же обошла камень, хотя и с другой стороны, отделавшись лишь скользящим ударом по корме. Вторая байдарка проходила дальше от камня, и именно поэтому уйти от него ей не удалось. Рэм с Ларисой сделали самое правильное — тотчас же выскочили на камень, но было поздно. Байдарка накренилась, вода залила ее и легко, словно щепку, переломила вокруг камня. Идущие сзади, быстро миновав опасное место, причалили к берегу.

Старик Ципин с внуками.

Авария случилась метрах в десяти от берега, где было по пояс. Сильное течение не позволяло подойти туда даже вдвоем, и пришлось делать "стенку". Через пять минут люди и лодка были на берегу. Все вещи остались целы, даже непривязанный фотоаппарат. Вымокло только то, что было плохо упаковано. Но сама байдарка требовала капитального ремонта.

Наши собеседники, на глазах которых развернулось все происшествие, поступили очень деликатно. Увидев издали, что мы уже не нуждаемся в помощи, они разошлись по своим делам, и когда мы оглянулись, то на берегу оставался только бородатый дед на лавочке. После недолгих переговоров его хозяйка предоставила нам целую пустую избу, предварительно вымыв ее и растопив большую железную печку (русских печей на Витиме не делают за отсутствием кирпича).

Весь остаток дня этого прошел за реставрацией и изготовлением сломанных деталей. Утром в столярке (при конном дворе) изготовили новый кильсон, не уступавший стандартному, и к обеду второго дня все было вновь готово к плаванию.

Здесь стоило бы сказать немного о наших хозяевах и вообще о жителях Многообещающей Косы (сокращенно "МОК"). Дед, о котором мы упоминали, оказался бывшим кулаком из Рузаевки, и в 30-х годах был сослан с семьей на Витим. Сейчас ему 76 лет, и, как мы установили, из всей его мелкобуржуазной натуры уцелела одна лишь мироедская борода, в остальном же это простой и добрый старик, с философским спокойствием рассказывавший о своей довольно интересной жизни. Все остальные обитатели этого дома также оставили наилучшее впечатление. Вообще большая часть населения МОК состоит из всякого рода политических

переселенцы из
Сибирского края
в советский период

ссылных и спецпереселенцев. Все они давно восстановлены в правах и могут ехать куда угодно, но не делают этого — им и здесь неплохо. Здешняя скупая природа все же позволяет работающему человеку обеспечить себя мясом, молоком, овощами, рыбой, ягодами. Для покупки в магазине остальных продуктов (т.е. муки, сахара и водки) хватает, чтобы один человек из семьи работал на приисках. Прииск Кедровка, где "мелют" рудное золото, расположен в горах вверх по Тульдуни. Некогда и МОК был прииском, о чем свидетельствует уже само название. Огромная каменная коса перед поселком, шириной метров в 300, заливаемая во время паводков, десятки лет назад была богатейшей золотой россыпью. Постепенно ее начисто смыли, остались одни валуны. Но до пятидесятих годов, когда еще существовала свободная золотоскупка, и за металл хорошо платили, все еще много людей кормилось старательством, моя песок, выметаемый из щелей в скалах и камнях. Сейчас этим занимаются только одинокие старики (ведь старателям не платят пенсий!) да бездельники.

12 июля. Вышли за полдень. Вода спала еще больше, и наш "роковой" камень — давно на суше. Но все же река еще очень полноводна, хотя и вошла в основное русло, обнажив всю косу. Мы осторожно пошли метрах в 15-20 от левого берега. Здесь глубоко, и хотя сама шивера далеко справа, от нее идет громадная пологая зыбь, так что эти полтора — два километра мы двигались с большим напряжением. Тут было три опасности: во-первых, можно было увлечься и сильно уклониться к центру, где могучее течение уже не выпустило бы свою добычу; во-вторых, на таком волнении ничего не стоило перевернуться и вблизи от берега; и в

земных и снежнороссыных. Все они кажутся возмущенными и
продолжают и могут скатываться вниз, но не кажутся злыми - им и
здесь не холодно. Удивительная штука природы все же не оставляет
тщательную подготовку, особенно в отношении одежды, обуви, очков,
плотки. Тем не менее в настоящее время в России (и в Европе и в Азии)
некоторые люди не знают, что такое подготовка к зиме.

Начало Благодатной шиверы.

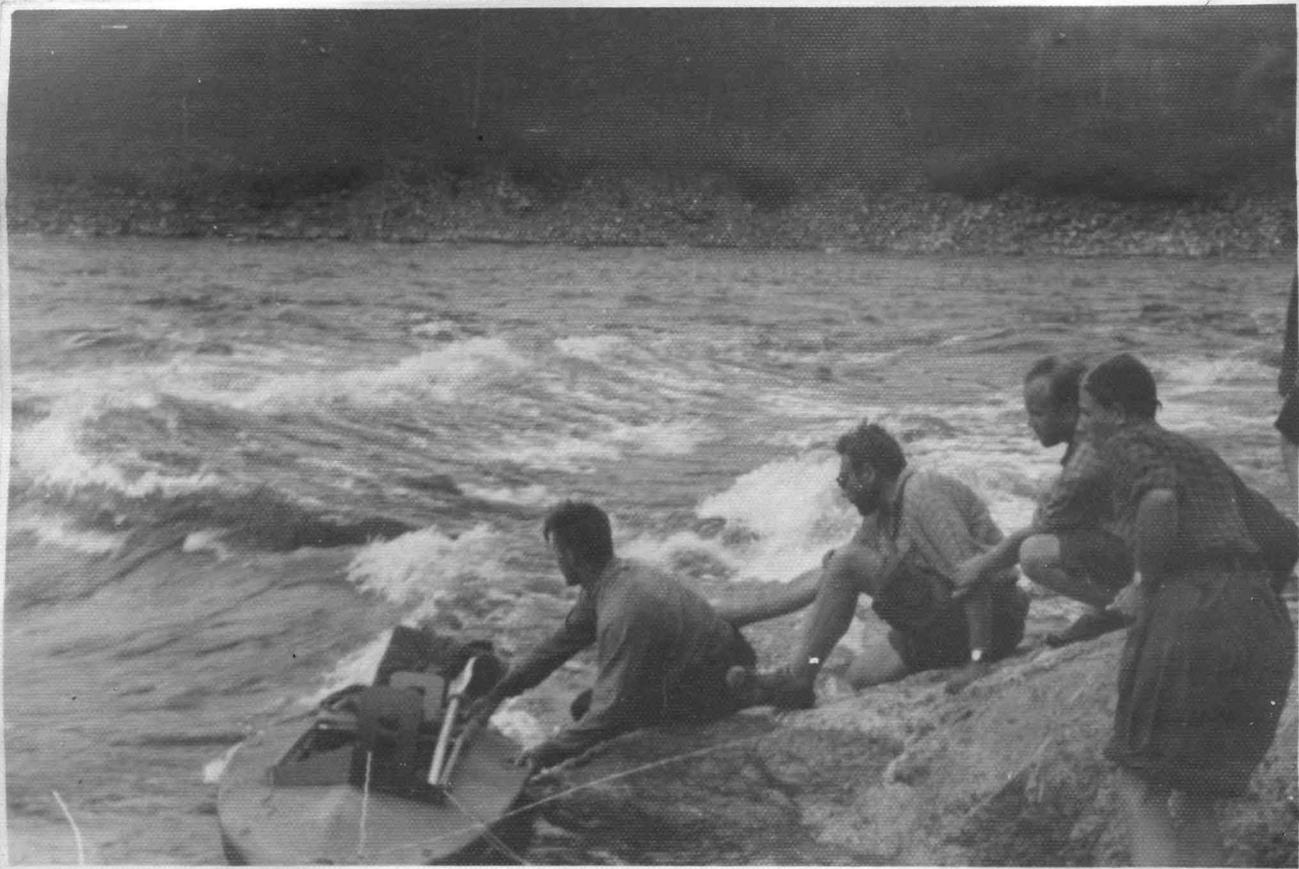
Водопад отстоит от начала шиверы на 15-20 км. В это время
вода еще не так мутная, как в начале шиверы, и она
поэтому еще не так опасна. Тем не менее шивера - это
очень опасное явление. Там очень много камней, и
очень много порогов, и очень много перекатов. Это
очень опасное явление, и очень опасно. Оно опасно
тем, что не известно, где именно оно находится. Оно
может быть в любом месте. Оно может быть в любом
месте. Оно может быть в любом месте.

третьих, любая волна, при неосторожном обращении с ней, грозила протащить на себе байдарку единым духом и ударить о береговые камни.

Едва Тульдунская шивера кончилась, и волнение начало затихать, мы пересекли Витим и пошли правым берегом. Впереди уже виднелся поворот, где нас поджидала самая свирепая из южно-муиских шивер — грозный Сивак, о котором любой встречный предупреждает в первую очередь. Немало карбазов разбилося здесь о скалы навального берега, и немало лодок перевернулось в холодных волнах, которые затем безжалостно и быстро расправлялись с плившими в них смельчаками. В этом году Сивак уже открыл свой грозный счет.

Когда река заметно пошла под уклон и с левой стороны донесся нарастающий гул, мы приткнулись с берегу. Осмотрелись: впереди метров на двести было относительно спокойно. Прошли эти двести метров, то и дело садясь на камни, потом еще сто, потом еще и еще, и лишь когда повернули направо и увидели уходящее вперед плёсо — поверили, что шивера позади. Конечно, не стоит думать, что все рассказы о Сиваке преувеличены; просто нам очень повезло в том отношении, что стояла высокая вода, которая настолько закрыла правый берег, что образовалось широкое мелкое пространство, куда не доходила даже зыбь от главных валов.

В двух-трех километрах от Сивака находится Благодатная шивера (по имени некогда существовавшего прииска). Нас предупредили, что у обоих берегов вода бурлит на уступах, и надо приставать справа, что мы и сделали, едва увидев белые гребешки.

На Благодатной шивере.

Берег — крутой откос, сложенный из разноцветных валунов размером с арбуз. Едва сделаешь шаг — вся эта масса с сухим клацанием и щёлканьем начинает ползти вам на ноги. С большим трудом мы добрались до того места, откуда шли валы. Здесь узкая каменная гряда — выход какой-то твердой породы — далеко вдавалась в реку. Вода падала метровым уступом, потом с огромной силой взлетала вверх, образуя стояки, и метров через 50–70 налетала на следующую гряду, потом на третью, потом на четвертую. Но при этом самым коварным было то, что кроме валов у правого и левого берегов вся остальная ширь реки остается спокойной. Неосведомленный человек вместо того, чтобы пристать, непременно направит лодку на середину реки и очутится в лапах шиверы — ловушки. Мощная цепь валов от правого берега постепенно пересекает всю реку, и километра через полтора — два смыкается с бурной главной струей, отошедшей к скалистому левому берегу. Этой вершины треугольника не избежать, если вы не пристанете до первой гряды, откуда с реки еще не видна главная опасность.

Еще раз вспомнив добрым словом жителей МОКа, мы принялись за обнос. Это была нелегкая работа, требующая изрядной осторожности. Две гряды удалось обвести по воде, а через две пришлось перетаскивать байдарки на руках. На все это, вместе с заклежкой посаженной дыры, ушло часа два.

Последняя Ивановская шивера совершенно свободно, без каких-либо неприятных ощущений была обойдена по левой стороне. Наконец-то мы могли более — менее спокойно оглядеться вокруг. А посмотреть было чего! Эта часть Ю-Му^сйского хребта необычайно живописна. Крутые острые горы, высоко поросшие уже не лиственничной, а еловой и кедровой тайгой; глубокие узкие распадки, на-

Витим в Южно-Муйских горах.

полняемые вечерними сумерками, крутые дикие ключи, заваленные буреломом. Самое золотое место! Поневоле возникает образ худого старателя, обнюхивающего эти мрачные уголки, чтобы, найдя свое счастье, в одиночку поживиться богатством, а потом, на обратном пути, в таком же глухом ущельи попасть на мушку "вольного охотника", предпочитающего тяжелой старательской работе более простой способ добычи золота. Эти времена среди местных жителей помнят далеко не одни только старики.

Остановились поздно, в девять часов, в ущельи недалеко от выхода из гор. Место глухое и темное, но уютное. Каждый звук старательное эхо возвращает через минуту назад еще громче, чем оригинал, так что выстрел из ружья превращается в пушечный залп. Сегодня нечто вроде праздника - позади осталось больше половины пути, и пройден самый опасный, как мы полагали, участок. Все лощана с верхнего Витима почти не плавают дальше Муи, и их неопределенные характеристики запарамского участка мы просто-душно принимали за свидетельство его простоты. Откуда нам было знать, что только что пройденные опасности побледнеют перед теми, которые подстерегают путника дальше?

13 июля. Остаток пути среди гор проскочили за полчаса и вышли на просторы Муйской котловины. Она шириной километров 50-60, со всех сторон окружена высокими гольцами, и в хорошую погоду с воды открывается величественная круговая панорама. Кажется, совсем близко стоят суровые огромные горы со снегами на вершинах, а в долине - тепло, тихо, под жарким солнцем замерли луга и тайга, и лишь чайки кричат над просторами ленивой реки, разлившейся на километровую ширь, не считая массы рукавов.

Му́йская долина.

Сейчас глинистые берега подмыты, острова немного залиты. То и дело проносятся стайки уток, но они далеко стороной огибают наши лодки. Проходит час, другой, третий. Байдарки медленно проходят два очень длинных плавных поворота, и вот далеко впереди в знойном мареве показались постройки Нелят. Через час мы высадились в поселке. Зашли на почту, отправили на 60 руб. телеграмм, подучили свою корреспонденцию, заглянули в сельсовет, поговорили с людьми. Узнали, что сплав из Романовки все еще не начинался. Жители на берегу, разглядывая байдарки, качали головами: "За порогом на таких плыть? Что вы! Там же вал с избу!" Мы попытались тут же узнать об этом поподробнее, но нам посоветовали поговорить с людьми в Парамском зимовье, в 30 км отсюда, у входа реки в теснину Северо-Муйского хребта.

Заночевали мы километров через двадцать, с трудом найдя на правом берегу узкий пятачок, пригодный для приставания. Завтра нам предстоит вступить в новый участок, открывающийся Парамским порогом, за которым на протяжении более сотни км река идет с большим уклоном, рассекая горы. О шиверах на этом отрезке были противоречивые сведения — от самых успокаивающих, до весьма тревожных.

До Бодайбо нам остается еще около четырехсот км.

14 июля. День этот начинался мрачно и хмуро. Плотные облака закрыли небо и горы, даже склоны ближайших гольцов исчезли в дымке. Едва мы отплыли, дождь, начавший накрапывать во время завтрака, припустил вовсю. Наверное, вид странных фигурок, сидящих в невиданных лодочках, пробудил сильное любопытство сплавщиков Парамского зимовья, которые все вышли на берег несмотря

на дождь. Эти люди (редко встретишь более крепкие фигуры!). Уже много дней дожидались спада воды, чтобы сплавить стоявшие тут же на приколе плоты леса через Парамский порог, сейчас закрытый. Наши байдарки не вызвали у сплавщиков ни малейшего доверия, и намерение плыть на них за порогом да еще в такую воду, встретило единодушное неодобрение, выраженное, как обычно, немногословно, но веско. "Да вы вот тут еще, у Сухого ключа перевернетесь!" — предупредили они. Когда же мы, расспросив о подходах к порогу, все же поплыли дальше, они завели катер и пошли вперед, проводить нас до порога. Мощное течение подхватило нас, покрутило и несколько раз крепко встряхнуло у Сухого, и вот, едва оглянувшись, мы оказались у маленького улова на правом берегу перед порогом.

Вытащив байдарки на берег, мы отправились разведывать тропу. На протяжении двух километров здесь была масса развлечений: грязь по щиколотку, колоды, бревна и кустарник, камни величиной с комод, крутые скользкие спуски. И дождь, дождь... Пешеходу еще ничего, он хоть и выругается, но пройдет, лодку же нести — совсем плохо. Но вот и протока, ведущая к концу порога. Тропа залита, над ней несется вода, проплыть нельзя, провести очень трудно, т.к. между камнями глубоко. В конце протоки маленькое озерко, а за ним открывалось зрелище, заставившее нас остановиться.

Там была подпорожица — километровое расширение реки, образующее улово, куда вырывается вся масса воды, набрав на крутом сливе громадную скорость. При низкой и средней воде здесь все же довольно тихо, и плотовщики за протокой сразу садятся в лодки. Ну, а что здесь происходит в высокую воду — это мы и

Конец Парамского порога.

За порогом.

видели перед собой. Бешеная струя пересекала все улово, взметывая грязные желтые валы высотой действительно с избу. Уклоняясь влево, горы воды налетали в конце улова на затопленную скалу, — так наз. Бычок Запарамский, — образуя клокочущий хаос. Часть струи, отражаясь от нашего правого берега, создавала вдоль него такое мощное противотечение, что тут были свои шиверы. Зыбь, порождаемая всей этой сумятицей, налетала на берег уходящим прибоем. Нечего было и думать провести лодки по воде. Путь был единственным: по крутому берегу, сложенному из громадных острых камней, обойти улово полуторакилометровой подковой, зайдя далеко за Бычок. Байдарки, конечно, придется разобрать. Нужно сказать, что вся трудность этого пути выяснилась только вечером, во время второй более обстоятельной разведки. Пока же, пораженные зрелищем беснующейся стихии, мы лишь поняли, что пройденная тропа — самый легкий участок из предстоящего обноса.

Но выбора уже не было, и вернувшись к лодкам, мы нагрузились мокрой поклажей и понесли ее к протоке. Следующим заходом понесли лодки, кто мог — вдвоем, а кто не мог — залезая по четверо под перевернутую лодку и неся ее на плечах. Говорят, такая безголовая "сороконожка" была очень комичной, но тем, кто находился под лодкой, было не смешно. Правда, при этом нас не мочило дождем.

Часам к четырем первый этап был преодолен. Здесь у протоки уже горел костер и готовился обед. Насквозь мокрые и продрогшие, мы собрались у огня, горячо обсуждая очередную проблему — идти дальше, или ночевать. Победили благоразумие и лень: было решено остановиться здесь и устроить дневку. Если будет хорошая погода — попытаться залезть на галец над порогом, если же будет

дождь — то все равно следует переждать ненастье, благо время пока есть. Для лагеря отыскалось отличное место: ровные уютные площадки у самого подножья громадной каменистой осыпи справа. Рядом журчал прозрачный холодный ручеек.

Еще во время разведки мы заметили на левом берегу озера, на острове, человека, укрывавшегося под навесом из клеенки. Вечером мы с ним познакомились. Пожилого тощего мужчину звали Никита Харитонович Толмачев. Он из Муи, рыбак и лодман (здесь почти каждый житель называет себя лодманом). На остров забрался еще в низкую воду, рассчитывая потом с рыбой пройти наверх, но паводок разбил его планы, и уже много дней он сидел у порога без огня и хлеба, не желая расставаться с лодкой. Пригласив его в лагерь, мы дали ему кой-чего из своих запасов, а потом с картой стали расспрашивать о дальнейшем пути. Оказалось, он не зря назвался лодманом. Выругав нашу километровку (как выяснилось — она этого заслуживала), он довольно ясно указал путь обхода наиболее неприятных мест. В основном указания сводились к тому, чтобы все шиверы, расположенные как правило у островов, обходить малой несудоходной протокой. Но его первый и самый настоятельный совет был — обождать низкой воды, а сейчас, мол, каждая мелочь очень опасна. Осмотрев наши байдарки, он долго качал головой, выражая всем видом крайнее недоверие.

Пригревшись у костра, наш гость разговорился. Было видно, что он стоит несколько ближе к культуре, чем средний витимец; его лексикон был более богат, он кое-что читал, знал немного стихов, имел лирические наклонности, вплоть до попыток складывать песни и стихи про Витим.

В тайге не принято расспрашивать случайного встречного, кто он, да откуда. Этикет предполагает, что незнакомец сам расскажет о себе. Мы обычно уклонялись от этого, отделяясь какой-нибудь незначущей фразой, ибо большинству встречных название "турист" ничего не говорило, а попытка объяснить цель нашего путешествия всегда приводила к недоумению и недоверию слушателя. Харитончу этих разъяснений не потребовалось: он знал, кто такие туристы "Так вот они какие!" - удивлялся он, с любопытством присматриваясь к нам и нашему снаряжению. "А то вот еще в тридцать четвертом, кажется, здесь тоже были туристы, они еще на Бадре утонули. И потом после них были, так те ниже перевернулись, начальник их потонул. Смотрите, будьте осторожней!"

Харитонч рассказал нам немного о пороге. Есть у входа камень, называется "приемник". Если он залит до половины - плыви смело. В эту пору порог проходят не только караваны с катером (обратно катер затягивают лебедкой), но и отдельные плоты. Если же вода выше половины - не всякий лощман решается плыть, и предупреждает рабочих: "Держи гребки, и не робей!" А как только волна начинает переливаться через камень - стоп, плыть нельзя. Если камень залит, то нет силы, которая позволила бы плоту или катеру спастись от утеса на левом берегу или от Бычка. "Ну, а как сейчас?" - спросили мы. "Сейчас сажени две, поди-ка, над камнем-то будет. Вишь, гольцы гудят!" - ответил Харитонч.

15 июля. Проснувшись утром, мы увидели ясное небо и мир, залитый солнцем. Свой главный трюк - многодневный затяжной дождь - природа, видимо, опять отложила на другой раз.

Гольцы
над
рекой.

Порог.
Вид с гольца.

Не трата времени даже на завтрак, сунув в рюкзаки штормовки и кое-что перекусить, мы двинулись вверх. Склон представлял громадную осыпь из огромных острых шатающихся камней. Такой путь требовал большого внимания, поэтому вперед пустили частного к альпинизму Славу, который осторожно повел группу. Уже много выше нагромождения камней стали перемежаться со скалами и зарослями непролазного кедрача, где идти было хуже всего. Зато панорама, развертывавшаяся с каждой сотней метров, заставляла забывать о напряжении. Сначала над всем властвовал порог: его рев заглушал все звуки, а вид покрытой пеною крутой струи не оставлял места для других видов. Но по мере подъема стихия воды уступала место стихии гор, и порог, ушедший глубоко под ноги, стушевался. Крутые стены гольцов, не видные снизу, заслонили полсвета, а сам Витим, просматриваемый по течению на десятках километров, казался гладким и безобидным. Но мы-то хорошо знали, что означает легкая рябь, видная тут и там. Вблизи она превращается в мутно-желтые метровые валы, вздымающиеся неожиданно то справа, то слева, которые ежесекундно готовы ударить сбоку и вывернуть содержимое байдарки в свои ледяные объятия. Поэтому сейчас со склона мы тревожно вглядывались в реку, стараясь выбрать и запомнить будущий путь. Ласковый ветерок, охлаждавший уставшие мускулы, легонько гудел в скалах, шуршал в рододендронах и поредевшем кедраче; среди нагретых камней посвистывали бурундуки. По окружающим горам было видно, что мы поднялись только наполовину, а был уже полдень. Поэтому, сткомандировав двоих лезть наверх, остальные начали спуск, еще более неприятный, чем подъем. Когда в пятом часу подходили к

Обнесли!

Улово за порогом.

лагерю, ноги у всех предательски дрожали, а духовный мир ограничивался одним лишь непомерным аппетитом.

Высоко над порогом вьются ласточки — завтра будет хорошая погода.

16 июля. Утром около протоки в кустах кто-то нашел человеческий череп, выбеленный волнами. Откуда он был принесен и какому горемыке принадлежал? И хотя слабонервных и суеверных с нами не было, все же подобная находка в таком месте не вызвала восторга и была поскорее заброшена подальше.

После завтрака свернули лагерь и приготовились к переноске. Вся поклажа каждой байдарки теперь уже умещалась в двух рюкзаках, впрочем весьма больших и тяжелых. Первым рейсом нам и предстояло их перенести.

Путь оказался все же несколько легче, чем думалось вначале, и к тому же вчерашнее лазание сильно помогло делу. Покрытые черным лишайником камни лежали плотно, а если идти повыше, куда не достигали брызги прибоя, то не было опасности и поскользнуться. Однако то и дело требовалось идти всеми четырьмя конечностями. Через каждые двести-триста метров приходилось отдыхать, и тогда мы снова любовались взлетающими слева валами главной струи, могучими бурунами обратного течения, кипящим котлом Запарамского бычка. Во второй части пути осыпь сменилась небольшими сырными скалами, затем началась валунная отмель, заваленная добела вымытыми звонкими стволами, и наконец мы вступили на песчаный мысок за Бычком. Перед нами вновь лежал путь по Витиму.

Таким же образом были перенесены и байдарки, только этот второй заход оказался значительно тяжелее. Надо полагать, что

автору нелепой конструкции байдарочных мешков не раз икнулось в тот час, когда мы, еле сохраняя равновесие, пробирались по камням и скалам. На обнос ушло полдня, и когда, пообедав и нагрузив байдарки, мы приготовились к отплытию, было около пяти часов. Вода за прошедшие два дня не упала, Витим несся стремительно, и хотя перед нами было плесо, поверхность его высоко и беспорядочно волновалась, чего не было ни на одном из предыдущих участков. И чего греха таить, каждый из нас чувствовал себя очень беспокойно, отталкивая байдарку от берега и заводя нос в струю.

На первые десять - пятнадцать километров путь был намечен еще вчера, со склона гольца; дальше предполагалось руководствоваться указаниями Харитоньча.

Не будем подробно описывать встреченные нами в тот день препятствия и все тактические увертки и финты, с помощью которых мы избежали их. Всё это помещено в приложении. А здесь, пускаясь в метафоры, наше продвижение можно было бы сравнить с атакой перебежками. За стремительным рывком по относительно спокойному плесу следовало медленное и осторожное обползание шиверы или переката по протоке или краю улова. Несколько раз, когда выбора не было, приходилось пересекать гряды валов, идущих от берега, и тогда наши лодочки швыряло и заливало, а волны ударяли впередисидящего прямо в лицо.

Вот мимо пронесся утёг Янгудского Быка, вздымая тупым носом огромный бурун. Пробив струю валов, мы нырнули в улово прозрачной, как кристалл, воды р.Янгуды. Затем осторожно прошли вдоль берега, оставив справа мощный вал Янгудской шиверы.

Согласно данным нам советам, следовало идти то у одного берега, то у другого, а при ширине реки в несколько сотен метров это было далеко не просто! Пока пересекаешь реку, лодку сносит на много километров. Наиболее драматические минуты нам пришлось пережить у Падоринской шиверы ("Бадры"), для обхода которой нужно было, идя вдоль правого берега, нырнуть в узкую правую же протоку. Казалось бы, маневр тривиальный, но события развернулись совершенно иначе. Держась всего метрах в тридцати от правого берега, мы издали начали загребать в протоку, и вдруг почувствовали, что нас непреодолимо пронесит мимо. Оказывается, мощная основная струя проходила у нашего берега, скользя вдоль самого утеса, а затем, повинуясь рельефу дна, устремлялась налево. Она-то и подхватила нас. Сразу оценив всю серьезность положения — шивера была вот она, тотчас в горле левой протоки — мы гребли прямо-таки отчаянно, и выгребли — одна байдарка в самый последний момент все же проскользнула в протоку, остальные прибились к голове острова и бродком прошли вдоль берега назад. В горле правой протоки, несмотря на малое количество воды, тоже была шивера, не уступавшая по высоте валов Б.Шипишке. Вторая такая же шивера находилась на выходе. Бурность этого почти двухкилометрового прохода убедительнее всего свидетельствовала, что нам бы не сдобровать, плыви мы от берега метров на двадцать дальше.

Если при выходе из протоки держаться правой стороны, то вас вынесет в обширное улово. Под противоположным берегом, представляющем утес, ревет вторая гряда Падоры, валы которой ничуть не уступают валам Сивака. От них по улову ходит крупная

Бычок Запарамский.

зыбь, прибоем накатываясь на берег. А берег — пологий пляж из чистого мелкого песка; в пятидесяти метрах дальше стеной встает могучая тайга. Ясно, что в восьмом часу вечера мы не могли проплыть мимо такого места, тем более, что на сорока пройденных сегодня километрах острых ощущений было испытано более чем достаточно.

На берегу были свежие следы в одиночестве гулявшего здесь медвежонка, возможно, спугнутого нашим появлением. Вот, когда нам пригодилась бы "собака — I шт", к сожалению, только числившаяся в списке общественного снаряжения! Лагерь разбили на опушке, под гигантской лиственницей. Здесь было порядочно комаров, но с наступлением темноты они пропали.

Треволнения сегодняшнего дня, разумеется, не помешали нам съесть вкусный ужин из четырех блюд. Вообще нужно сказать, что культ еды процветал с первого дня. Многие склонны считать это началом дегенерации; были такие и среди нас. Первое время в ответ на брюзжание начальника, считавшего не совсем удачный ужин мировой трагедией, кое-кто возмущался: "Мы сюда не жрать приехали!" Однако к концу похода по этому вопросу уже не было двух мнений, и преимущества хорошо приготовленных блюд безраздельно победили гнилой аскетизм. Требовалось, чтобы еда готовилась с соблюдением всех кулинарных тонкостей и без каких-либо ограничений, так что дежурства проходили уже в духе соревнования, кто сумеет вкуснее и плотнее накормить трудящихся. Ведь что ни говорите, а еда — лучший вид активного отдыха! Полный желудок выявляет в человеке все его добродетели, и отрадно видеть, как люди, дотеле уставшие и раздражительные, наевшись и испыты-

вая благорастворение души, становятся кроткими и предупредительными. (Уважаемый читатель! Мы отлично сознаем всю неоригинальность нашего поступка: на целой странице расписывать свои гастрономические эмоции. Но человек слаб, и если ему не дать излить душу, то он будет как оплеванный. Поэтому не судите нас очень строго за этот абзац!).

Завтра мы должны войти в Бодайбинский район Иркутской области, и время уже не будет зависеть от того, у какого берега мы плывем. Только бы погода не испортилась! Впрочем, будь с утра солнце, мы едва ли удержимся от искушения провести денек в этом чудесном месте. А пока главное достижение этого дня — мы прошли через страх неизвестности, увидели, что и здесь Витим проходим, нужна только сугубая осторожность.

17 июля. С утра тепло и солнечно, но небо и дали затянуты какой-то дымкой. Уже немного изучив нравы здешней погоды, мы не ждали ничего хорошего. Ненастье обычно начиналось тем, что небо затягивалось высокой волокнистой пеленой, за которой приходили низкие сплошные тучи. При этом с вечера было бесполезно смотреть на закат, пытаясь сделать прогноз, ибо эта часть Сибири находится во власти муссонов, зимой дующих с континента, а летом — с Тихого океана, принося с собой три четверти годовых осадков.

Но эта дымка была иного происхождения: как нам сообщили позже, где-то горела тайга. Т.к. пожар был за сотни километров, то запах гари не чувствовался. Дали оставались затянутыми в течение нескольких дней; иногда с утра было почти ясно, но через несколько часов серая мгла опять закрывала гольцы. В первый день к обеду дымка сгустилась настолько, что солнце переста-

Плѣсы в Северо-Муѣском хребте.

ло просвечивать, сделалось прохладно. Горы скрылись совершенно, только берега были еще видны. Видимость так ухудшилась, что нас охватила тревога. Опасность можно избежать только тогда, когда ее замечаешь за два-три километра, поэтому отсутствие видимости было чревато неприятностями. Этот день был несколько спокойнее предыдущего. По-прежнему старались все обходить по малой протоке, на плесах держались вблизи берега. Несколько раз случалось так: увидев впереди белые гребешки, мы спешили к берегу, а потом оказывалось, что струя валов идет именно с этой стороны, начинаясь от какого-нибудь бычка и усиливаясь на перекате. При этом ближе к другому берегу можно бы было пройти, но туда уже было не пробиться. Дважды в подобных случаях мы проскакивали в узкий проход между бычком и берегом, а один раз пришлось из-под самого камня выходить на стрежень, чтобы там, дальше, пересечь валы. При этом чуть не случилось несчастье. Первая байдарка, выходя к центру, получила удар в корму от другой лодки, случайный водоворот подработал еще, байдарку неожиданно развернуло и понесло кормой вперед, прямо в громадный бурун за бычком. Но в самый последний момент все же удалось вывернуться, хотя никто и не понял - каким образом.

Все, с кем мы говорили об этом участке, предупреждали нас относительно Венчального улва, где бурлят громадные водовороты, и плоты кружатся ("венчаются") по несколько часов. Еще в Москве нас заинтриговало это название, может быть потому, что от загадочного слова "улово" веет чем-то таинственным и коварным, как от "омута" или "буерака". Харитоныч, да и другие, советовали нам обходить улово справа, и естественно, что мы пошли правыми протоками двух островов, почему-то не обозначенных на карте.

А когда вышли — с досадой обнаружили, что улово, мы, по-видимому, уже обошли, так и не увидев. И действительно, скоро показался притулившийся ^враспадке старый прииск Каралон, где много домов, но почти не осталось людей. Впрочем, нам говорили, что в результате пятилетней разведки в Каралоне вновь открыли богатейшее — "сумасшедшее!" золото, и прииск должен скоро снова ~~ожидать~~.

Одну из шивер — Булдаковскую — мы едва почувствовали. Видимо, она имеет тот же характер, что и шиверы после Каренги: высокая вода заливает ее, сравнивая со стремниной на плесах.

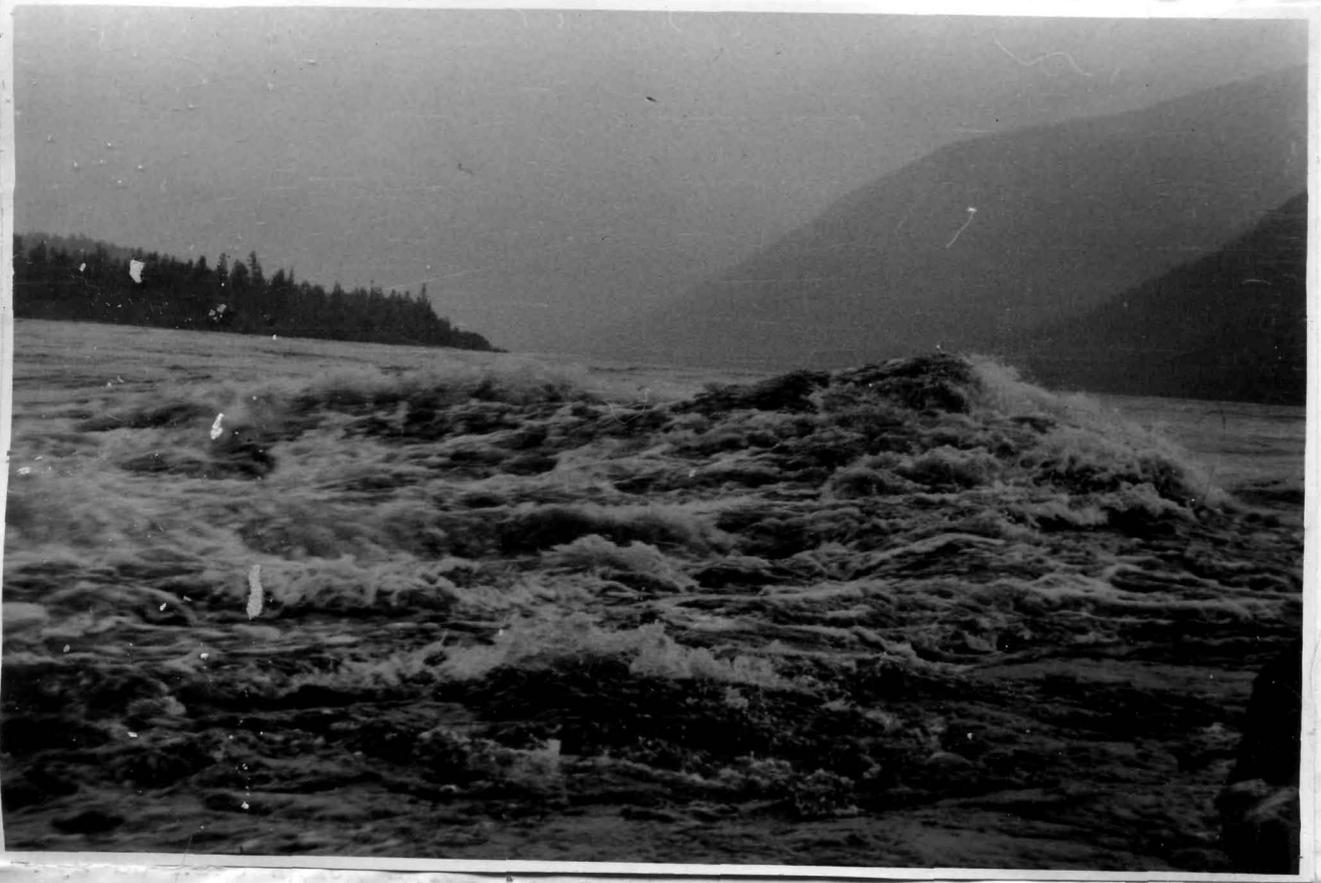
Перед Оронским озером долина Витима расступается на много километров, и река расходится на протоки. Однако, ландшафт ничуть не меняется: вокруг долины стоят все те же гольцы, даже еще выше и круче, чем оставшиеся позади. Особенно грандиозны громады слева, серые контуры которых, со снегами на вершинах, порой проглядывают сквозь дымку. Оронское озеро соединено с Витимом полукилометровой протокой; прозрачная и гладкая зеленая вода представляет резкий контраст с мутной бурной рекой.

В наши планы входило заночевать на озере и решить, делать завтра дневку, или нет. А пока поплыли в поселок Орон. С мужчинами на берегу заводим разговор: "Откуда плывете?" — "Из Романовки" — "Далеко, однако!" Вот как сокращает расстояния хорошая река! Только в девятистах пятидесяти километрах от начала пути мы впервые услышали, что плывем издалека. Толстый шумливый дядька, выходец с Украины, принес ведро картошки и молока. "Берите, берите, хлопцы, какие там деньги! Когда ездил, меня тоже кормили". Ночевать нам посоветовали в пяти километрах по озеру на мысу "Каменном", где "место веселое".

Название "Каменный" оказалось буквальным. Это гигантский округлый "бараний лоб", далеко выдавшийся в озеро. Поверх камня ковер мха, богульника и брусники; в щелях зацепились и пышно разрослись кусты кедрача. С открытой передней части скалы на три стороны видны просторы озера, насколько это позволяла дымка, висевшая плотным слоем в нескольких сотнях метров над водой, так что открыты были лишь подошвы гольцов. Трудно придумать более удобное место для купания, чем этот мыс, весь день подставленный солнцу, имеющий пологие, почти горизонтальные спуски в воду и отвесные скалы для ныряния. Зато лагерь разбить оказалось не так-то просто: кол не вобьешь, и в то же время, как это ни парадоксально, нельзя найти ни одного камня для растяжки. Заката в этот день мы не видели, небо оставалось плотно закрытым.

18 июля. Было часов шесть утра, когда началась гроза. Известно, что нет слаще сна, чем под раскаты грома и гул ливня. Однако, когда гроза ушла, а дождь остался, сон наш стала отравлять тревога. Проходил час за часом, спать было уже физически невозможно, и мы поняли, что не можем ждать милостей от природы. Лучше плыть под дождем, чем тупо мокнуть на месте. Поэтому трудящиеся вылезли и приготовили завтрак. Тогда дождь счел за лучшее не тратиться зря, и когда мы вновь отплывали, было уже сухо и тепло, даже солнце проглянуло сквозь дымку. Ну что же, тем приятнее будет у Оронского порога.

За озером следует длинный и скучный "оронский пузырь", и там, где снова начинается нормальное узкое русло, бушует Американская шивера. Она вовсе не такая слабая, как мы почему-то думали, но серьезной опасности не представляет, т.к. валы бушуют слева и посередине, у правого же берега, несмотря на

Начало Оронского порога.

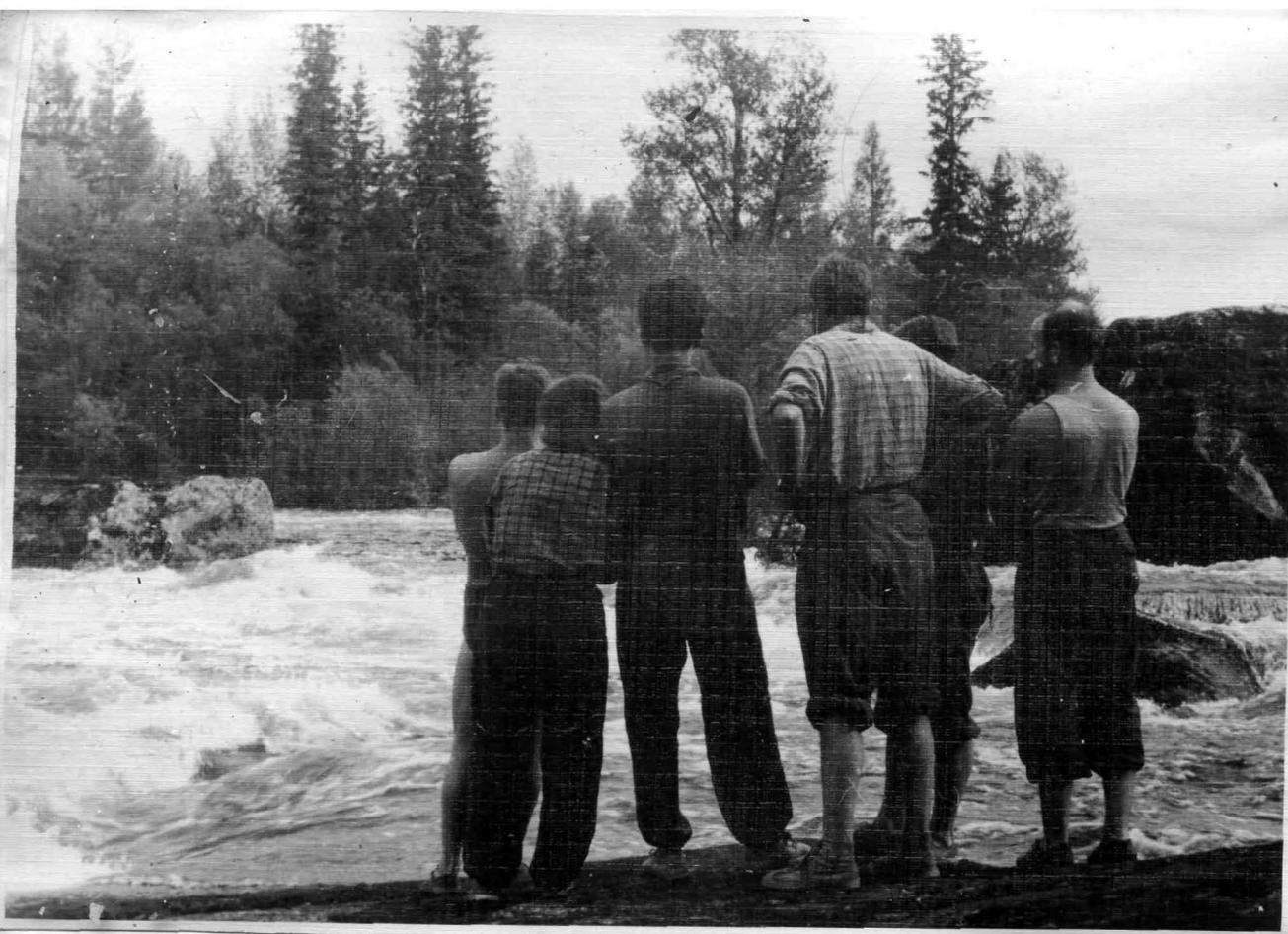
высокую и крутую зыбь, пройти можно.

Следующие двадцать километров (т.е. час пути) река спокойна, до Каменной шиверы, которая на проверку оказалась вовсе и не шиверой, а так, несколько бычков у левого берега. Теперь еще 6 км, и будет последняя перед Делюн-Оронским порогом шивера - "Чёртова деревня" "Проплывем ее, а там можно и к берегу. Вон впереди какие-то гребешки - не она ли это? Что-то слишком скоро", - думали мы, бойко работая веслами. Однако гребешки как-то подозрительно расплзлись на всю ширину реки, и вдруг стало ясно, что это сам порог. Шивера, находящаяся перед порогом, при шестисотметровой ширине реки совершенно теряется на этом фоне.

Пока было еще не поздно, мы подошли к левому берегу, и осторожно, опасаясь, как бы течение не оторвало нас от него и не унесло на стрежень, прошли под самый порог, в улово, от которого начинается маленькая обходная протока. Обнеся бурное изголовье протоки (метров 300), где сосредоточено все падение, мы переправились на остров и пошли смотреть порог. Берег острова десятиметровой скалой обрывается прямо над порогом.

Порог был великолепен. Прямо под нашими ногами огромная масса воды со скоростью курьерского поезда врывалась в сорокаметровые ворота в подводной скале - плотине, перегораживающей всю реку. Дальше же, наполняя воздух ревом, по всей полукилометровой ширине реки вода проваливалась вниз, образуя крутые водопады и чудовищные водовороты. Ниже, в подпорожище, царил сплошной хаос громадных валов.

По структуре Оронский порог гораздо проще Парамского. Он прямой, без всяких бойцовых утесов и бычков, а мощное течение

На протоке.

Обнос закончен.

само затягивает в ворота все, что плывет вблизи левого берега.

Обойдя остров по совершенно спокойной нижней части протоки, мы оказались за порогом. По покрытой пеной реке ходила высокая зыбь, достаточно однако пологая. Чтобы избежать главных валов Амалынской шиверы, находящейся вскоре за порогом, и не проскочить поселок Амалык, нам пришлось грести прямо поперек течения к правому берегу. Пока добрались до середины реки, порог уже исчез вдаль, и даже шума не стало слышно.

Дело уже шло под вечер, и в Амалыке мы не задерживались. Оставили телеграммы, попытались навести справки о пароходе, поговорили немного с жителями, и двинулись искать место для ночлега. Долго плыть не пришлось: приближалась громадная туча, и небо совершенно фантастически окрасилось в желто-багровые угрожающие тона. Нам было известно о сокрушительных шквалах, иногда налетающих перед грозой в этих краях. Поэтому, во имя благоразумия, причалили к первому более-менее приемлемому месту и разбили лагерь посреди худосочной горелой тайги. Однако, гроза не состоялась.

19-21 июля. Эти последние три дня уже не добавили многого к впечатлениям путешествия. Впрочем, они отнюдь не были скучными. На верхнем Витиме нам говорили: "До Муи бы вам доплыть, а там просто". В Нелятах мы узнали, что главное - добраться до Амалыка, а уже там "спать можно". В Амалыке же объяснили, что "вот пройдете Сактолжинскую шиверу, а потом Балаганак, и ложитесь спать". Действительно, эти шиверы, также как и встречающиеся кое-где перекаты, требуют внимания, но сравнения с предыдущими не выдерживают. Последние сто километров река совсем спокойна. За Амалыком средняя "коммерческая" скорость

Последняя
сотня
километров.

(т.е. включая все отдыхи и остановки) была семнадцать км в час, затем стала заметно падать, хотя водовороты по-прежнему бросали нос байдарки то туда, то сюда. Берега расступились широко, горы утратили крутизну и дикость, но оставались живописными. Раза два нас основательно мочил дождь — природа спохватилась и спешила восполнить недоданное. Где-то в полустах километрах за Амалыком мы отметили второй юбилей: пройдено 1000 км. Нужно сказать, что это событие было далеко не столь заметно, как тот высокаторжественный момент в верховьях, когда осталась "всего" тысяча километров. Сейчас важной задачей было объявлено "во время и без потерь" доесть все, что еще оставалось. Но даже этому полезному занятию, не говоря уже о других походных хлопотах и трудах, мы отдавались теперь не всем своим существом. Мысли наши то и дело уносились вперед, сначала в Бодайбо, а потом и дальше. Мы прощались с Витимом.

21 июля в конце дня мы подплывали к Бодайбо. На высоком берегу виднелись какие-то мачты, трубы, дым, у берега — моторки, несколько барж, дебаркадер. При ближайшем знакомстве город оказался очень небольшим. Крупных каменных зданий — всего несколько штук: больница, школа, райком, ну и, конечно, трест Лензолото, который занимает центральное место в жизни всего города и всего огромного района. Трест является прямым преемником "Ленского Золотого Товарищества", одним из главных компаньонов которого был Прохор Громов. До недавнего времени трест находился в ведении МВД, сейчас относится к обычному министерству и обходится только наемными рабочими.

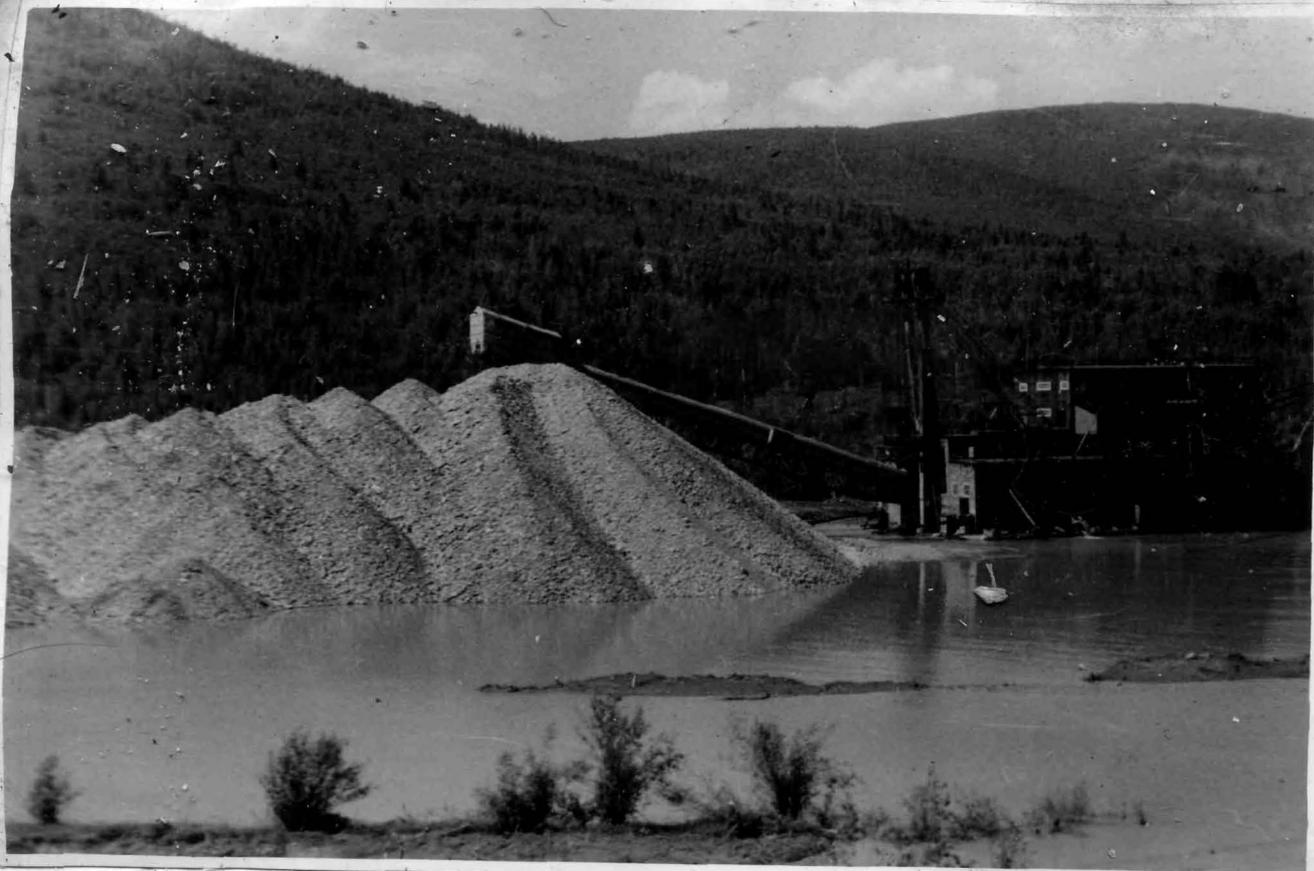
В Бодайбо.

На месте Ленского расстрела.

Прииски расположены на десятки километров вверх по р. Бодайбинке (т.н. "ближняя тайга"). Есть еще "средняя тайга" и "дальняя тайга" - это уже совсем далеко. В городе сосредоточены главная администрация, снабженческие, транспортные, культурные и прочие организации, десятилетка, больница. Сообщение с миром - самолетом и пароходом, зимой - автомашиной по Лене или Витиму.

Немного, по-видимому, есть еще городов, столь малых по величине, и столь важных по той роли, которую они играют в жизни громадной территории. Поэтому приезжие не представляют здесь редкости. Рабочие, приехавшие по договору, или уезжающие, плюнув на него; охотники за длинным рублем или просто труженики, направленные из Иркутска, Читы, а иногда и из центра; геологи, инженеры, сплавщики плотов, матросы пароходов. Даже московские экспедиции наезжают иногда. Но все эти люди приезжают по делу, а вот таких, как мы, чтобы без дела, без платы, просто так приехать - еще не бывало. Может быть этим отчасти и объясняется проявленный к нам интерес. Мы побывали в Лензолоте, имели аудиенцию в райкоме партии, посетили редакцию "Ленского шахтера". Нашим официальным опекуном и покровителем был райком комсомола, стараниями которого нас поместили в гостиницу, обеспечили билетами второго класса на парход. Но больше всего мы обязаны знакомству с Мих. Арк. Кайгородовым, инженером проектного отдела треста, с которым мы списались еще осенью. Его заботы, помощь и энергия - одна сторона дела. А главное - в том, что, будучи умным и разносторонним человеком, М.А. часами рассказывал нам интереснейшие вещи о теперешней и прошлой жизни приисков и всего района.

Драга.

Побывали на шахте.

Эти рассказы нам дали не меньше, чем поездка на прииски.

Поездка заняла два дня. На приисках мы встретили должное внимание, хотя чувствовалось, что людям не до нас. Мы посетили лучшую шахту, побывали на крупнейшей в Союзе драге. Впечатления о виденном и слышанном заняли бы не одну страницу. Перед нами приоткрылась очень сложная и полная противоречий жизнь труднодоступного промышленного района, по существу еще весьма малокультурного (чтоб не сказать - дикого), несмотря на современную технику. Побывав на шахтах, мы поняли, чем объясняется огромная текучесть рабочей силы и где лежит одна из причин повального пьянства, как только появляется спиртное (которое поэтому завозят очень редко, исключая пиво, употребляемое с одеколоном). Совсем другая картина предстала на драгах, где мы увидели вполне современную мощную и производительную технику, дающую дешевое золото. На Апрелевском прииске посетили место Ленского расстрела.

Вообще, можно сказать, что если плавание по Витиму составляло спортивную часть похода, то четыре дня в Бодайбо обеспечили нам богатую и захватывающе интересную познавательную часть. Хотя мы и спешили, но не пожалели, что не уехали в первый же день.

Простившись с нашими многочисленными друзьями, 25 июля, уже поздно ночью, мы покинули Бодайбо.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

В настоящем приложении мы намерены дать развернутую туристскую характеристику реки Витим. Откуда начинается эта река, где протекает и куда впадает - все это, вместе с физико-географической, этнографической, исторической, экономической и пр. характеристиками района - мы опускаем, отсылая интересующихся к соответствующим первоисточникам. Здесь же мы ограничиваемся лишь теми сведениями, которые интересуют любого туриста в первую очередь и не содержатся в каких-либо книгах, в лучшем случае - разбросаны в них по трудно собираемым крупницам. В основу же всего мы кладем собственные наблюдения.

* ————— *

От своих истоков до села Романовки, на протяжении в несколько сотен км, Витим, по справочным данным, не пригоден для какого-либо плавания. ^{на некоторых участках} Река начинает использоваться от Романовки, хотя и здесь путь считается опасным и капризным. Регулярное судоходство возможно лишь ниже г. Бодайбо.

Участок от Романовки до Бодайбо имеет длину 1200 км и средний уклон несколько более полуметра ^{на километр}. Весь свой путь река прокладывает через обширные гористые массивы, горный характер страны наиболее ярко выражен ниже Муйской котловины, а также в Ю.-Муйском хребте и в промежутке между притоками Каренгой и Ципой. На этих участках долина реки принимает характер ущелья, берегами являются крутые склоны гольцов. Равнинный характер река имеет только в Муйской котловине, на протяжении менее ста километров.

Витим является одной из крупнейших горных рек Сов. Союза. У г. Бодайбо в летние месяцы река несет в среднем втрое больше

воды, чем, например, Енисей по выходе из Саянской трубы. Поэтому, несмотря на малый уклон, Витим во время паводков являет необычайную мощь, и это представляет его первую характерную особенность.

Второй особенностью, безусловно, является резкое непостоянство водного режима реки, выражающееся в высоких и неожиданных паводках, продолжающихся все лето. С подъемом или спадом воды река неузнаваемо меняет характер, поэтому условия сплава по Витиму могут быть совершенно различными в разную воду. При высокой воде намного возрастает скорость течения, скрываются под водой мелкие шиверы и перекаты. На больших шиверах увеличивается волнение. Резко возрастает опасность со стороны бойцовых утесов. При низкой воде, наоборот, появляется опасность со стороны камней и мелей. Поэтому всякое описание реки справедливо только при определенном уровне воды.

В течение июня-июля-августа выпадает до двух третей годового количества осадков, максимум приходится на вторую половину июля. Вследствие горного характера страны и наличия вечной мерзлоты вода не задерживается в каменистой почве, а сразу же скатывается в ручьи и выносится в Витим или его притоки. Вода поднимается за сутки на несколько метров. В нижнем течении амплитуды паводков превышают порой 10-12 метров. Спадают паводки почти столь же быстро, как и возникают. Иногда паводок охватывает почти всю реку, но чаще имеет местный характер, когда дожди проходят в бассейнах лишь одного-двух притоков. Тогда ниже их по реке проходит более или менее высокая паводковая волна, движущаяся со скоростью 200-300 км в сутки.

Весенний паводок проходит в мае, он ниже летних. Наиболее низкое летнее стояние воды - межень - бывает в конце мая-июне, и осенью. Самый теплый и сухой месяц - июнь.

Даже при очень высоких паводках ширина Витима меняется не сильно. В районе Романовки река имеет ширину около 150 м, а в большей части среднего течения - 200-400 м, в районе Бодайбо - 500 м. Глубины плесов всюду велики даже в межень, на шиверах же и перекатах они бывают самые различные; в зависимости от уровня. Столь же сильно зависят от паводков и скорости, меняясь от 2-3 км в час до 10-15 км, а иногда и больше. Только в нижней части среднего течения, т.е. за Муйской котловиной, скорости более постоянны, имея нижний предел (в межень) около 8 км в час.

На реке имеется два порога - Парамский (на выходе из Муйской котловины) и Делюн-Оронский (в 30 км ниже Оронского озера). Оба они имеют очень мощный характер. Кроме того, река изобилует множеством более мелких, но порой очень серьезных препятствий - шиверы, бурные перекаты, бычки, бойцовые утесы, громадные водовороты. Заломов на Витиме не бывает.

Тайга состоит в основном из лиственницы, особенно на участке до Ю.-Муйских гор. Там только очень редко встречается сосна, растущая на южных каменистых склонах. Материал для хорошего плота найти будет очень трудно. В Ю.-Муйских горах впервые в изобилии появляются ели, кедр и сосна; встречаются они и на всем нижнем участке. Гольцы здесь покрыты зарослями кедрача, карликовой березки и рододендронов.

На участке между Ингуром и Каренгой кое-где встречаются болота. Много их также в Бомбуйской и Муйской котловинах.

Рыбы в Витиме мало, что связано с летними паводками. Во время паводка поймать что-либо можно только случайно. Вообще же попадаются хариус, окунь, ленок, таймень.

Водяная дичь на Витиме изрядно пуганая, хотя утки летают часто. Зато, по словам жителей, в тайге много зверья (кабарга, изюбрь, лось, медведь) и мясо добыть можно, нужно только уметь. Вообще крупных животных бить запрещено, но если это делается не как промысел, а для пищи, например, геологами, или экспедициями, или даже местными охотниками, когда они промышляют в тайге, то на такую охоту смотрят сквозь пальцы.

Наиболее интересные участки, заслуживающие того, чтобы остановиться на несколько дней, это Южно-Муйские горы и, особенно, междупорожье. Еще более соблазнительно проплыть на восточную часть Оронского озера, откуда открываются пути в дикий горный узел, лежащий восточнее. Но для этого необходимо не меньше недели времени.

Сплав по Витиму начинается от села Романовки. Это своеобразный порт, снабжающий добрую половину Витима, включая Муйскую котловину. Романовка соединена превосходной дорогой с Читой и Улан-Удэ, по которым ежедневно ходят автобусы. Поселок весьма большой, расположен на обоих берегах реки, соединенных паромной переправой. Имеются сельсовет, почта, школа, магазины, столовая, баня.

Дорога в Романовку.

Карбазы на Витиме.

Сплав производится на барках - карбазах, которые десятками строятся каждую зиму. Грузоподъемность их от 3-5 до 30 тонн. Управление греблями. Но в последнее время широко используются мощные катера с водометным двигателем (т.к. винт легко поломать в здешних условиях). Катер буксирует несколько барок, сцепленных цугом; сплав проходит быстрее и безопаснее. Производится сплав во время достаточно высокого паводка, обычно в середине июля, и уже с весны десятки нагруженных карбазов дожидаются этого момента. В конечном пункте сплава барки разбираются и идут на заборы, тротуары, постройку домов.

Из Романовки сплав производится обычно не далее Муйской котловины. Ниже ее основу движения по реке представляет лесосплав. С лесоучастков, расположенных в Муйской котловине и ниже ее по течению, лиственничная древесина в плотках сплавляется до Бодайбо; где идет на шахтный крепез. В низкую воду через Парамский порог плоты леса идут почти ежедневно; для удобства применяется буксировка катерами. В высокую воду, когда порог закрыт, плоты скапливаются в устье реки Парамы и у Парамского зимовья.

От Амалыка (сразу за Д.Оронским порогом) уже ходят катера в Бодайбо. От Бодайбо до Острова (Усть-Кут) регулярно (1-2 раза в неделю) ходят пассажирские пароходы; кроме них бывают рейсы грузовых судов, с которыми также можно уехать.

Между Романовкой и Бодайбо имеются следующие населенные пункты: Юмурчен (в семи километрах выше по Юмурчену), Шипишки, Усть-Каренга (в 3 км выше по Каренге), Калакан, Бамбуйка, Многообещающая Коса, Неляты, Орон, Амалык, Нерпо. В каждом из них есть магазин со всеми необходимыми продуктами, везде, кроме МОК, есть почта.

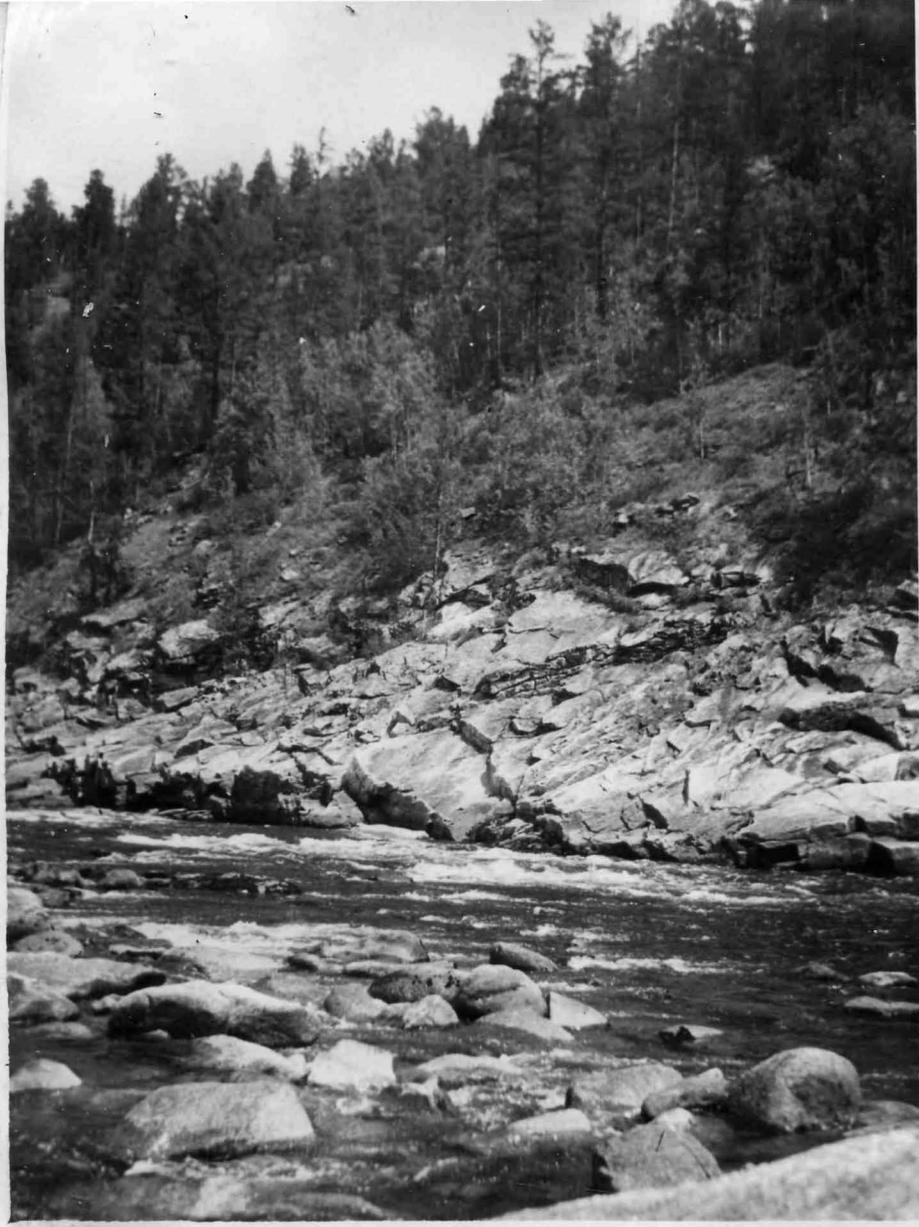
Река Витим очень удобна наличием простого и быстрого подхода - имеется в виду Романовка, куда во всякий день можно доехать из Читы за несколько часов. В любую же другую точку на реке можно попасть только путем сплава или самолетом.

Наиболее удобным выходом с Витима является пароходный путь из Бодайбо в Усть-Кут. Плавание продолжается пять суток. Стоимость билета III кл. - около 120 р., но лучше ехать вторым (стоит около 230 р.), это гораздо чище и спокойнее.

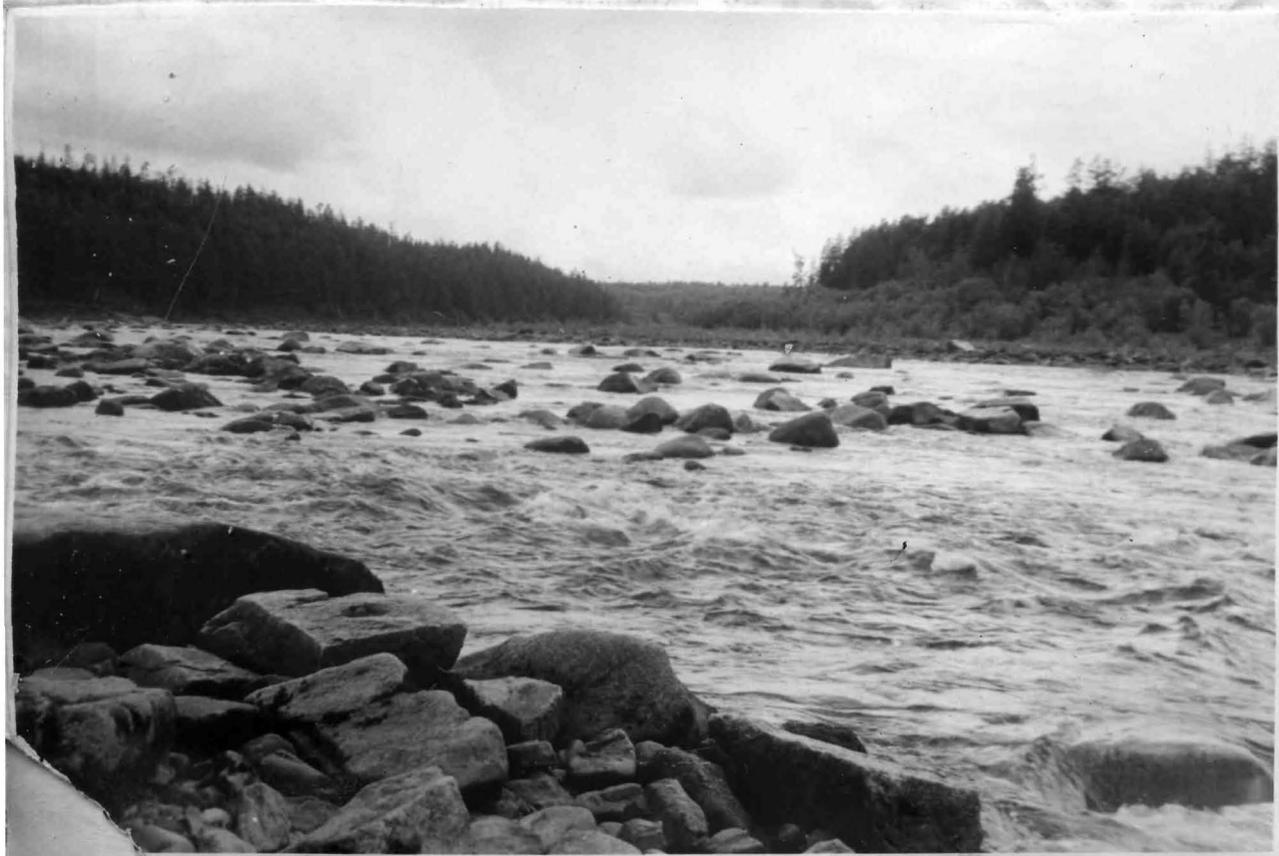
Город Бодайбо представляет, как принято говорить, - любопытнейший "туристско-экскурсионный объект". Интересен и сам город, с его смутным и мрачным дореволюционным прошлым, но самое главное - это золотые прииски, тянущиеся на многие десятки километров вверх по Бодайбинке. Шахтная добыча золота, открытые карьеры с гидромониторами, громадные дражные полигоны - все это непременно следует осмотреть, интересуясь не только техникой и трудом шахтеров, но еще и их трудным и пока полным противоречий бытом. И еще один момент - нельзя упускать ни одного случая, когда можно побеседовать со здешними людьми. Не жалеете времени на эти беседы! Из них вы узнаете не только массу интереснейших деталей нынешней жизни этого района, но и очень многое о трудной и бурной, поражающей непривычными контрастами, жизни в сравнительно совсем еще недалеком прошлом.

На городе Бодайбо мы так подробно остановились потому, что полученные там впечатления не менее обильны и ярки, чем впечатления от плавания по реке. Тем самым достоинства похода почти удваиваются.

Дав общую характеристику Витима как туристского маршрута, ниже мы помещаем последовательное описание реки, используя собранные нами материалы и походные наблюдения.

Шиверы
Верхнего
Витима.

I. Романовка - р. Ингур

Протяженность - 118 км, падение 103 м, 32 шиверы и 11 перекатов. Ширина русла 70-170 м. Берега часто крутые и скалистые, очень живописные, чего нельзя сказать о следующем участке. Островов нет. Люди живут только при устье Ингура.

Все описания сходятся на том, что, пожалуй, этот участок является самым бурным и самым опасным на пути сплава. Возможно, в высокую воду так оно и есть, но в низкую межень (2-2,5 м ниже сплавного уровня) - это совсем не так. В такую пору плесы глубоки и неподвижны, а шиверы представляют крутые, загроможденные камнями участки русла, длиной от 50-100 м до километра. При этом нередко между камней не остается прохода даже для байдарок. Шиверы очень бурные, и напор воды силен, так что поломать байдарку и утопить груз очень легко. Но для людей эти препятствия особой опасности не представляют, тем более, что всюду имеется возможность обвода вдоль берега. Общая длина шивер около тридцати км. Для плотов этот участок в низкую воду непроходим.

Первые 30 км от Романовки лишь изредка встречаются быстрины и перекаты с острыми камнями. На следующих 30 км количество перекатов и мелких шивер растет, проходы в них исчезают. Первая длинная шивера - Марихтинская (см. карту); за ней идут Долгая, состоящая из двух полукилметровых гряд. Курлуктинская шивера расположена сразу за крутым поворотом реки и является одной из самых неприятных. Она тоже состоит из нескольких гряд. Затем перед Ингуром есть еще ряд длинных и трудных шивер, объединенных названием Ингурских. Кроме всего этого, имеется множество коротких шиверок, натканных для разнообразия, которые все же можно проходить сходу, хотя при этом неизбежны удары о камни.

Витим ниже Юмурчена.

На преодоление этого участка мы потратили в общем около 26 рабочих часов, это при хорошей погоде и теплой воде. При более высоком уровне, несомненно, трудности и, особенно, опасность многократно возрастают. При сплавно́м же уровне (т.е. весьма высоком), как указано в лоции, шиверы этого участка по мощности сравнимы с шиверами в Ю.-Муйском хребте, которые совершенно непроходимы для байдарок (по главной струе).

2. Ингур - р.Каренга

Протяженность 293 км, падение 118 м. 14 шивер и 32 переката. Ширина русла от 150 до 300-400 м. Островов мало. Берега после Ингура остаются высокими и скалистыми на протяжении около 50 км, затем понижаются. Отдельные горы имеют пологие округлые формы. Изредка встречаются болота. Населенные пункты на реке: фактория Бугунда, пос.Хулугли, прииск Шипишки, пос.Солонцово. Нами этот участок проходилась тоже в низкую воду и наши данные относятся только к этому случаю. На первых 50 км встречаются мелкие шиверы и перекаты, проходимые сходу. Следующие 50 км - сплошной спокойный плёс с редкими быстринками. Следует отметить длинный и нудный песчано-галечный Пуриканский перекат длиной в 3 км. На следующих 100 км (до прииска Шипишки) встречаются мелкие шиверы и ряд более крупных. Пять из них называются Малыми Шипишками ("шипешка" - по местному шиповник). Они весьма каменисты и бурны, но коротки и более многоводны, чем шиверы верхнего участка. Вал здесь значительно больше. Все же эти шиверы достаточно осмотреть с воды и проходить не вылезая.

Шивера Большая Шипешка состоит из двух гряд. Наиболее серьезная - вторая, называемая также Казанской шиверой. Она находится

Пережат.

Витим ниже Каренги.

тотчас за левым поворотом реки. Главная струя проходит у правого берега, слив хорошо виден. Камни достаточно залиты, но волнение весьма сильное. Высота стояков приближается к метру, хотя они довольно пологи.

Перед поселком Шипишки и за ним есть ряд перекатов, намытых драгами. Фарватер здесь извилист и неясен.

Последние сто километров до Каренги почти не имеют препятствий, кроме отдельных перекатов.

Общий итог. Этот участок - один из самых простых на Витиме. Пройден нами за 40 раб. часов. В высокую воду наиболее длинные шиверы, по-видимому, опасны своими валами.

На плату от Ингура сплавиться можно, хотя при этом не раз придется садиться на мели и камни.

3. Каренга-Бамбу^йская котловина

Протяженность около 225 км. 14 шивер и 36 перекатов. Ширина русла от 200-250 м до 400 м у островов. Острова низкие, поросшие лесом, с валунно-галечным изголовьем. Берег повышается сразу за Каренгой, но горы начинаются лишь через несколько десятков км. Здесь появляется много скал и утесов, высокие отвесные обрывы иногда тянутся на километры. Сами горы с реки плохо видны. Наиболее сурово ложе Витима выглядит на второй половине этого участка.

Единственный населенный пункт - Калакан.

Участок проходился нами в весьма высокую воду, на гребне паводка. При этом все шиверы и перекаты (в общем, согласно описанию, они много слабее, чем вверху) были полностью залиты (закрыты), и река обратилась в сплошную стремнину со скоростью до 15 и более км в час, без явных препятствий. Однако необычайно

В Каларском хребте.

мощное течение и ледяная вода могут в этих условиях любую мелкую неосторожность превратить в аварию с самыми серьезными последствиями, поэтому приходится быть осторожными, особенно при приставании к берегу, что можно сделать только в немногих местах (обычно мешают залитые кусты или скалы). Наиболее удобны для этого острова.

Итак, в высокую воду этот участок несложен и проходится с замечательной быстротой. Мы затратили на него всего 15-16 ходовых часов. Для сплава плотов, по словам романовских лоцманов, здесь много препятствий в виде утесов, крутых поворотов, прибрежных бычков. В очень низкую воду, по описанию, сплав здесь весьма затруднен шиверами.

4. Бамбуйская котловина

Горы расступаются километрах в 20 после впадения р. Ципы.. Витим, почти не сбавляя скорости, широко разливается среди островов. Ширина русла от 400 до 1200 м. Острова низкие и лесистые. Берег возвышается над водой на несколько метров и имеет крутой склон. Дальше плоско и сухо. Долина спереди и сзади замкнута горами, расстояние между ними по реке около 50 км.

На этом участке, по описанию, есть 1 шивера и 6 перекатов, относительно спокойного характера. В высокую воду они "закрыты" и еле чувствуются.

5. Южно-Муйский хребет.

Длина участка невелика—около 50 км, но он является одним из самых серьезных препятствий на всем Витиме. Ширина русла сужается до 180-200 м, берега крутые, долина представляет ущелье. Островов нет. Населенный пункт один — прииск Многообещающая Коса (МОК), сразу за впадением речки Тульдунь.

На этом участке имеются шесть очень бурных шивер. Трудно сказать, в каком случае — в высокую воду, как было у нас, или в низкую, эти шиверы сложнее для прохождения байдарок. Местные жители говорят, что в высокую воду их легче обойти стороной, чем в низкую, мы обошли так пять шивер. Что же касается главной струи, то не может быть и речи о проходе там на байдарках (по крайней мере в высокую воду) — здесь вздымаются хаотические волны высотой до 1,5 м.

Шиверы расположены в следующем порядке.

1. Верхне-Тузалинская шивера, расположена на правом повороте реки (см. карту), Здесь с правой стороны идет сильное волнение, поэтому мы обходим шиверу, прижимаясь к крутому навальному берегу, в непосредственной близости от главной струи. Длина опасного участка — около километра.

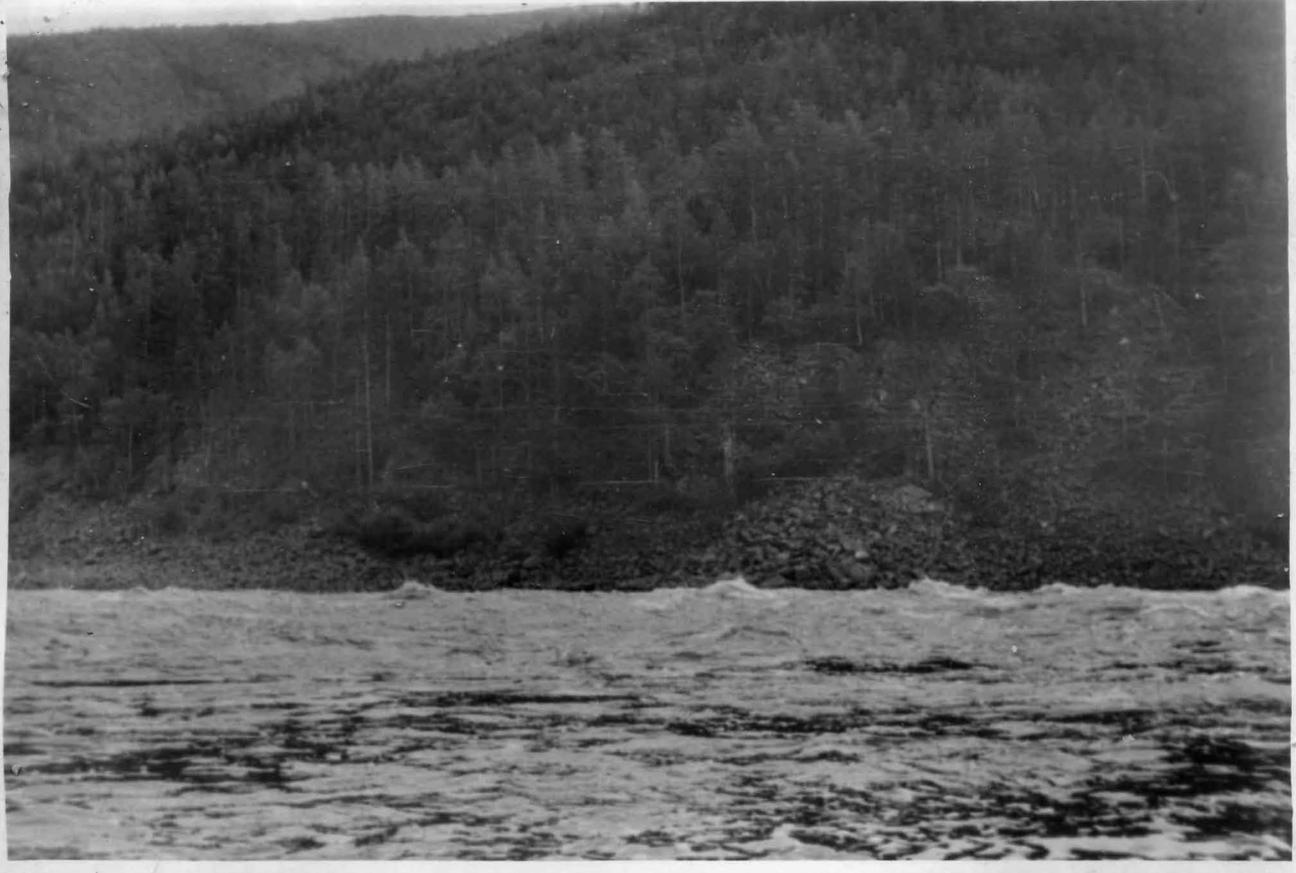
2. Нижне-Тузалинская шивера. Длина 1,5 км. Обход с правой стороны, при этом приходится пересекать струю валов, идущих от берега к середине реки.

Эти две шиверы — наиболее спокойные из всех, следующие за ними значительно мощней и трудней.

3. Тульдунская шивера (около 2 км длиной). Начинается в полукилометре за правым поворотом реки, прямо против прииска МОК.

2. Сивакская шивера.

Длина участка шиверы - около 10 км, он находится в долине реки Сивак. Вдоль берега шиверы растут различные виды растений, в том числе и редкие. Вдоль берега шиверы растут различные виды растений, в том числе и редкие. Вдоль берега шиверы растут различные виды растений, в том числе и редкие.

Сивакская шивера.

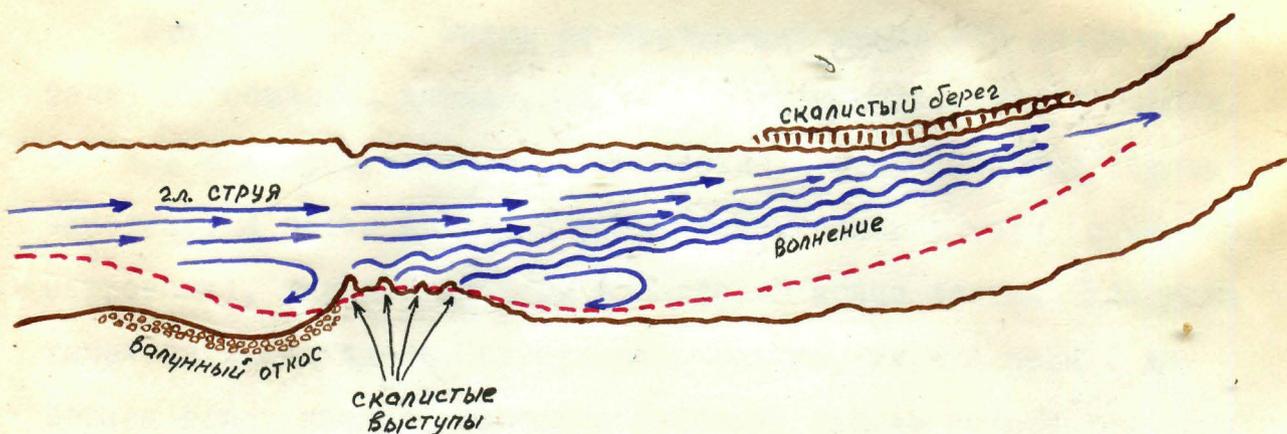
Эта шивера - наиболее сложная на всем протяжении реки. Вдоль берега шиверы растут различные виды растений, в том числе и редкие. Вдоль берега шиверы растут различные виды растений, в том числе и редкие.

Необходимо проходить поворот у левого берега, с расчетом сразу же за впадением р. Тульдунга пристать к валунной косе перед деревней. Дальнейший путь вдоль левого берега выбирается в зависимости от обстоятельств, т.е. в первую очередь, уровня воды. По правой стороне реки прохода нет. Обход шиверы требует большой осторожности из-за наличия камней и мощной зыби, идущей от главной струи.

4. Сивакская шивера (2,5 км длиной). Считается самой опасной. Расположена перед крутым поворотом направо и на самом повороте. Главная струя проходит слева. В высокую воду с правой стороны имеется широкое залитое пространство, довольно спокойное, хотя и сильно засоренное камнями, где вполне удастся пройти байдаркам. Чтобы попасть сюда, надо сразу же после прохода Тульдунгской шиверы пересечь реку. У левого берега пути нет.

5. Благодатная шивера (или Таксимовская), Расположена на прямом участке после впадения речки Таксима. При подходе к шивере видно, что от левого и, особенно, от правого берегов идут струи сильных валов, порожденных выступами твердых пород, вдающимися в реку. Середина реки при этом остается спокойной, но если пойти туда, то примерно через два километра плывущий неизбежно попадает в точку, где у крутого левого берега струи валов, еще более увеличенных на крутом участке, сходятся. Издали мы могли видеть, что байдарке вряд ли удастся отсюда выбраться. Поэтому необходимо до шиверы пристать к правому берегу (см. схему) и обнести каменные гряды (их три или четыре штуки). Это работа часа на полтора (с разведкой), т.к. берег достаточно неудобен. Сразу за грядами можно плыть дальше, постепенно переходя к левому берегу.

Схема Благойатной шиверы.

6. Ивановская шивера – последняя. Основная струя проходит правой стороной, оставляя слева обширное, почти спокойное водное пространство, где мы прошли без всякого труда. Далее на протяжении около 10 км река течет в ущельи, но опасных препятствий нет.

Для плотов этот участок считается опасным из-за бойцовых утесов, как например, на Сивакской шивере, где главная струя под прямым углом идет на береговую скалу. В низкую воду опасны также камни, обнажающиеся в шиверах.

Конечный вывод: участок весьма опасен, и этим отличается от всех предыдущих. При прохождении требуется максимум внимания и осторожности. При этом совершенно необходимо, чтобы плывущие пристали у прииска МОК и поговорили с местными жителями, которые обязательно дадут ценные советы применительно к данному уровню воды.

6. Муйская котловина

Выходя из гор, Витим на протяжении почти ста километров течет по обширной низине, со всех сторон окаймленной горами. Вначале река разбивается на множество протоков (главная хорошо заметна), а после впадения р. Муи течет одним руслом (с мелкими островами), шириной до 1 км и более. В конце долины, где река течет на запад вдоль Свв. Муйского хребта, ширина реки 2 км. Берега всюду низкие, заросшие кустами, иногда болотистые. Быстрое течение сохраняется на 20-30 км после гор, затем еле чувствуется. Перед Нелятами река делает два плавных поворота, описывая гигантскую "восьмерку"; при этом на обоих берегах откладываются громадные илисто-песчаные приплески, поросшие кустами.

Препятствий для плавания на этом участке нет.

В Муйской котловине имеется много населенных пунктов. Жители занимаются сплавом, охотой и рыбной ловлей, земледелием. На берегу Витима находится крупный поселок Неляты, являющийся конечным пунктом сплава из Романовки.

7. Парамский порог

В конце Муйской котловины Витим круто поворачивает на север и снова входит в горы. Русло резко сужается, течение вновь обретает прежнюю скорость и напор. Порог начинается через 7 км после поворота. Витим здесь суживается до 100 м и поворачивает направо.

Длина порога 2,2 км, общее падение около 9 м. Наиболее крута нижняя часть порога. Структура порога показана на схеме:

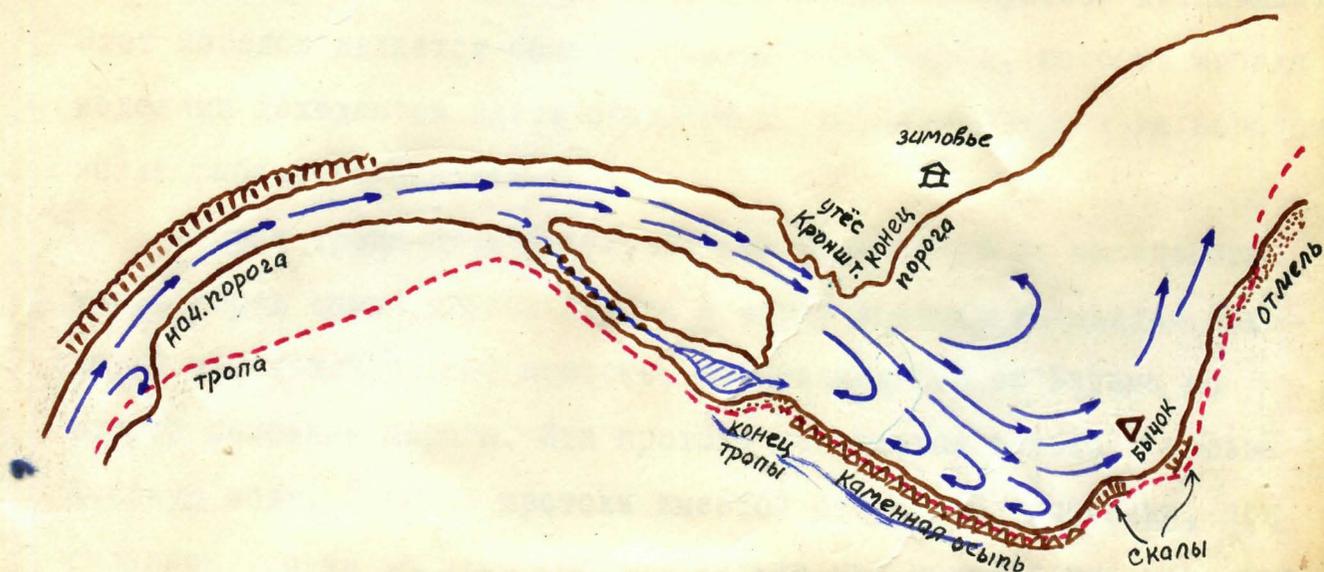
Нижняя часть порога.

Утёс Кронштадтского.

Схема Парамского порога.

(отмечен путь обноса в высокую воду)

Проходя от начала порога плавный поворот, вода набирает скорость и несется прямо на т. наз. утес Ионна Кронштадского. Отражаясь от него, струя наискосок пересекает обширное улово, находящееся за порогом, и подходит к правому берегу, где встречает новое препятствие - подводную скалу Бычок-Запарамский. Такое строение порога делает возможным сплав плотов через него только в низкую и среднюю воду (в последнем случае - с катером). При большой же воде все плывущее неминуемое разобьется или об утес Кронштадского, или о Бычок.

Прохождение порога на небольшом судне совершенно исключается, т. к. валы главной струи на выходе в улово достигают громадных размеров, а правее пройти нельзя из-за мощного противотечения.

54

Вид в сторону Муйской котловины.

Имеются два пути обноса порога. Первый - это девятикилометровая въючная тропа, идущая по левому берегу. Она начинается от т.н. Парамского Зимовья - поселка на выходе из Муйской котловины. Этот поселок является базой лоцманов-сплавщиков, которые иногда неделями дожидаются здесь спада воды. Кончается тропа за порогом возле рыбацкого зимовья.

Вторая тропа-правобережная. Она начинается от маленького улова перед самым горлом порога и через полтора километра выходит к небольшой правой протоке, ответвляющейся от Витима во второй половине порога. Эта протока заливаается только в весьма высокую воду. В конце протоки имеется озерко. По описанию, при сплавном уровне за этим озерком дальше уже можно плыть на лодке; в высокую же воду, как мы непосредственно убедились, здесь не то что проплыть, но и провести байдарки вдоль берега невозможно из-за бурного противотечения и сильного прибоа. Необходимо разбирать байдарки и делать полуторокилометровый обнос по крутому берегу, сложенному из крупных острых камней. Плавание можно продолжать только от песчаной отмели в нескольких сотнях метров за Бычком. При хорошей погоде весь обнос порога по правобережному пути можно произвести за один день, если не тратить много времени на разведку.

Еще два замечания. Во-первых, вступая в Сев.Муйскую теснину, необходимо зайти в Парамское Зимовье и поговорить с лоцманами, т.к. весь дальнейший участок пути до Оронского озера очень сложен и опасен, необходимо заранее знать, как где идти.

Во-вторых, рекомендуем устроить возле порога дневку и сходить на высокий правобережный голец, откуда открывается редкая панорама как вниз по Витиму, так и назад, на всю Муйскую котловину,

не говоря уже о самом пороге. Но т.к. подъем на голец очень труден, то не следует рассчитывать подняться всей группой, а отрядить на это несколько наиболее ловких и выносливых людей.

8. От Парамского до Делюн-Оронского порога.

Этот участок протяженностью 137 км явился самой трудной и опасной частью нашего маршрута. Повидимому, виновата в этом большая вода, т.к. в описаниях препятствия между порожья оцениваются как более легкие, чем в Южно-Муйском хребте или выше Ингура. Однако местные лоцманы не разделяют эту точку зрения, хотя все они подтверждают, что в малую воду плыть за Парамским порогом много проще, чем в большую. Витим здесь течет в довольно просторной долине среди высоких и суровых гор и имеет большой уклон, даже в среднем, составляющий около 1,1 м/км. Поэтому любой перекат создает сильное волнение, а любой бычок порождает струю мощных, долго не затухающих валов. Считается, что на этом участке всего четыре шиверы, однако, кроме них, при плавании на байдарках опасность поджидает не только на каждом перекате и возле бычков, но и просто на плесе. Даже в Ю.Муйском хребте между шиверами плесы в общем спокойны, здесь же на реке всюду гуляет неприятная резкая зыбь. Скорость везде не ниже 3 - 4 метров в секунду. Ширина реки около 300 м, в островах - до 600-800 м.

Основные неприятности приурочены к островам. Поэтому, по совету лоцмана, встреченного нами у Парамского порога, мы всюду шли в малую несудоходную протоку. Это указание, как и другие, оказалось полным глубокого смысла.

Мы прилагаем километровку этого участка с указанием основных препятствий и направления нашего движения.

1. Так называемый Чортов заездок - несколько затопленных камней и пережат. Проходится у левого берега, чтобы затем нырнуть в малую левую протоку острова. За островом также держались слева.

2. Пережат среди островов. Чтобы избежать валов, следует пройти малой левой протокой, и дальше придерживаться опять левого берега.

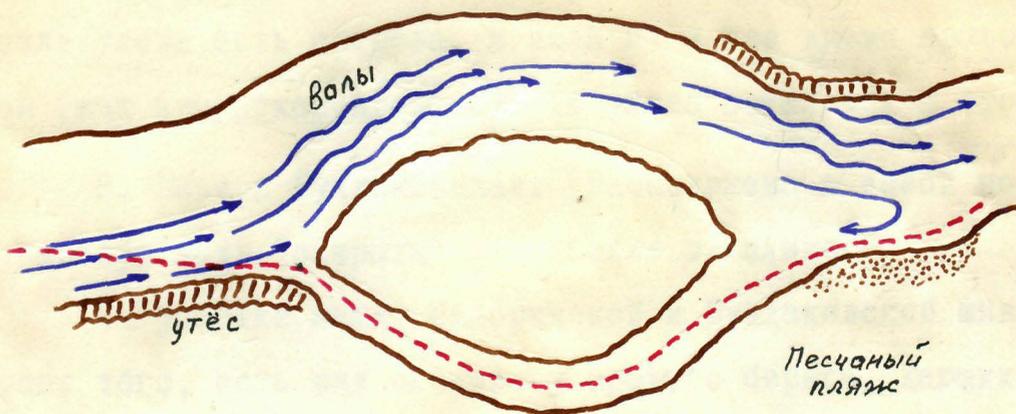
3. Янгудская шивера и Янгудский Бык - большая четырехметровая скала посреди фарватера, проходящего главными протоками ~~справа~~. Здесь можно идти так^{же} ~~как~~ левыми протоками, но можно пройти и главной, прижимаясь к островам, как мы и сделали, чтобы увидеть Янгудск.-Бык.

4. Сильный пережат перед самым устьем ^ераки Янгуды. Главная струя реки проходит правой стороной, но струя валов начинается от левого берега. Приходится пересекать их в лоб, ближе к левому берегу, и выходить в улово на левой стороне.

5. Этот остров вполне можно обойти и по главной левой протоке.

6. Здесь предстоит наиболее ответственный маневр. В начале главной левой протоки находится первая гряда Падоринской шиверы. Чтобы избежать ее, необходимо войти в маленькую правую протоку, но сделать это не так просто (см. схему).

Схема Падоринской шиверы.

Правый берег, под которым проходит главная струя, представляет скалу, возле которой течение довольно бурное. Поэтому приходится держаться на некотором расстоянии от берега. Но перед островом струя резко сворачивает налево, с неудержимой силой затягивая в главную протоку. Поэтому необходимо еще далеко от острова все же прижаться к правому берегу, едва это окажется возможным, иначе отбиться вправо будет очень трудно. Мы шли всего метрах в 30^м от скалы и все же едва-едва сумели прибиться к изголовью острова.

Малая протока сама по себе весьма бурная, в начале и в конце ее находятся перекаты с сильным валом. Выходя из протоки, следует держаться правого берега.

7. Так называемое "венчальное улово". Это два громадных водоворота диаметром около 200 м. Более мощный - левый. Плоты кружатся - "венчаются" - здесь по нескольку часов. В большую воду, по словам лоцманов, улово сильно бурлит и для байдарок непроходимо.

Мы сами улова не видели. Карта нарисована неверно (как было бы правильно - мы не знаем), на самом же деле возле улова есть острова, и если идти все время правой протокой (как нам рекомендовали), то улово останется в стороне.

8. Шивера Булдаковская. (Расположена в левой ^Р потоке. В высокую воду "закр^та" и волнение невелико.

На участке между Падоринской и Булдаковской шиверами, кроме того, есть ряд бычков у правого берега, дающих сильный вал, достигающий середины реки. В двух случаях мы пророскочили в узкий проход между камнем и берегом, но если вода будет ниже, то такой маневр не удастся. Ввиду этого, может быть лучше держаться не правого берега (как делали мы), а левого, хотя там могут быть свои препятствия.

—

На педходе к Делюи-Оронскому озеру Витим расходится на несколько проток. Если идти самой правой, то можно по^спать в озеро. Оронское озеро само по себе заслуживает внимания. Оно чистое, очень красивое, не холодное; по словам жителей, в ней есть рыба, а на берегах дичь. В хорошую погоду безусловно стоит остановиться на нем дня на два, на три. У входа в озеро расположен поселок Орон, где есть магазин, а у жителей можно достать картошки и молока.

Сразу же на выходе из "Оронского пузыря" (так называют расширение Витима за озером) находится Американская шивера. У левого берега и на середине здесь гуляют большие валы, у правого берега можно плыть, хотя зыбь очень высокая.

Отсюда до Делюн-Оронского порога остается 30 км. В восьми км перед порогом есть шивера Каменная, представляющая ряд бычков у левого берега. Обойдя их справа, следует сразу же направляться к левому берегу, вдоль которого можно осторожно подойти под самый порог.

9. Делюн-Оронский порог

Порог расположен на прямом участке реки, имеющем ширину 600 м. Длина порога - около 300 м, падение 1,9 м, из них 1,7 м приходится на стометровый участок перепада. Порог образован широкой подводной скалой, перегородившей всю реку от правого берега (см. схему):

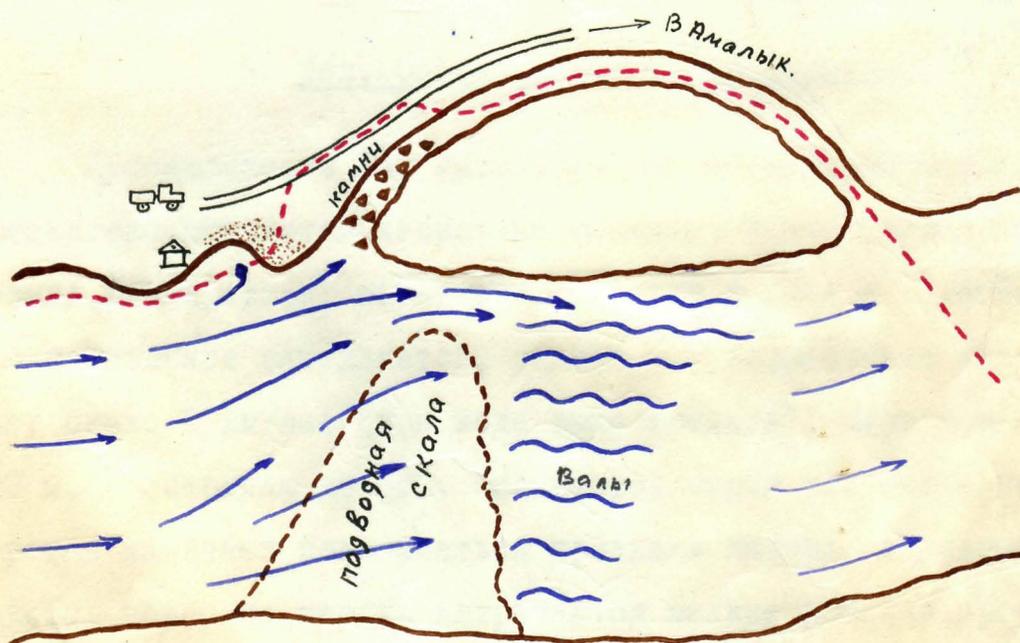

Схема Д.-Оронского порога.

С левой стороны между скалой и берегом остается проход около 40 м шириной, куда с громадной скоростью устремляется чуть ли не вся основная масса воды. Часть воды переливается через скалу. Валы за порогом не менее двух метров.

На левом берегу перед порогом ответвляется маленькая проточка, огибающая порог. Верхняя часть ее (метров 300) непроходима из-за громадных камней, дальше же совершенно спокойно. Перенеся сюда байдарки, можно продолжать путь. Протока выходит в реку через 700 м, где главное волнение уже утихло. Весь обнос порога займет не более 2-х часов. От небольшого улова перед порогом идет машинная дорога до самого Амалыка (4 км).

Как нам сообщили, теперь у правого берега в скале также проделан проход, гораздо более спокойный, чем главные ворота. Через него будто бы можно проходить даже на лодке.

9. Дел.-Оронск.порог - гор.Бодайбо.

Протяженность 230 км. Берега остаются гористыми, но гольцы постепенно сменяются лесистыми сопками, рельеф сглаживается. Долина расширяется, обрывистых берегов и скал больше нет. Течение постепенно замедляется, однако и у Бодайбо все еще составляет около 8 км/час (при воде выше средней). Ширина реки около 400 м, в островах до 850. Километров через сто после порога на берегах начинают показываться признаки людей: отдельные избушки, покосы, порубки; иногда встречаются мелкие поселки. Последние 50 км перед Бодайбо люди встречаются ежечасно. В начале участка (километра три после порога) на обоих берегах Витима расположен пос. Амалык. Главная часть его - на правом берегу. Амалык постоянно сообщается с Бодайбо движением катеров.

На этом участке имеются три шиверы: Алмалыкская, Сактолжинская и Балаганахская, в 2 км, 52 и 76 км от порога. Амалыкская шивера бурная с левой стороны, поэтому, выходя из протоки за порогом, следует тотчас же пересекать реку. Справа достаточно спокойно, только большая зыбь.

Сактолжинская и Балаганахская шиверы не представляются особенно серьезными препятствиями, по крайней мере в высокую воду. Имеется довольно сильное волнение по всей реке, но проход выбрать нетрудно. Первую шиверу мы прошли вдоль левого берега, вторую - по середине, т.к. здесь у берегов волнение сильнее.

В общем, этот участок не представляет значительных затруднений, но и не добавляет ничего нового к ранее полученным впечатлениям. Мы затратили на него около 20 часов рабочего времени.

В заключение описания реки считаем нелишним еще раз подчеркнуть, что никакие описания, в том числе и это, не могут дать точного представления о том, что ожидает путешественника на Витиме. Причина этого - в чрезвычайной изменчивости реки в зависимости от уровня. Поэтому нужно стремиться у каждого встречного собрать побольше информации, т.к. только местное население способно охарактеризовать ближайший участок именно в ту воду, какая будет стоять в этот момент.

Источники сведений о Витиме

Эти источники достаточно бедны и немногочисленны. Километровая карта реки в ряде случаев неточна, а главные препятствия на ней или указаны весьма приблизительно, или же вовсе не указаны.

Единственная ее реальная польза - это возможность хорошо ориентироваться.

В 1917-18г.г. на Витиме проводилась рекогносцировочная съемка, и данные этой экспедиции лежат в основе всех описаний, какие только нам удалось достать в Москве или получить с мест. В основном это сведения общего свойства, что же касается конкретных указаний (глубины, скорости, фарватер, препятствия), то все они относятся к некоторой определенной воде, которая стояла в момент съемки, и поэтому практического значения не имеют, в чем мы полностью убедились. Все существенное, что имеется в этих описаниях, мы включили в настоящий отчет.

Говорят, что в последние годы были проведены экспедиционно-съемочные работы на Витиме, материалы которых в виде подробного гидрографического описания (которого до сих пор не существовало) должны быть скоро изданы в Чите.

Снаряжение, смета

Несколько слов о снаряжении. Байдарки должны быть проклеены и иметь фартук, чтобы на шиверах меньше попадало воды внутрь. Разумеется, фартук должен быть разрезан так, чтобы он не связывал людей в случае аварии. Весла - только металлические, неломящиеся об воду.

Ремонтная база должна содержать необходимые инструменты и материалы, дающие возможность починить даже сильно поврежденную байдарку, например, сломаную пополам.

Очень важный момент - непромокаемость груза, т.к. Воды в байдарку попадает достаточно много. У нас в каждой лодке весь намокающий груз был распределен по пяти узким и длинным мешкам, имеющим непромокаемые вкладыши из полиэтилена. Спальные мешки, также в непромокаемой упаковке, клались под себя, а на них - надувные круги.

Спальный мешок, конечно, не обязателен, но иногда ночи на Витиме бывают крайне холодными, ниже нуля, особенно в верхнем течении.

Для работы в воде следует иметь легкие шаровары и тапочки, лучше рваные. Если кроме того иметь еще крепкие кеды, то обуви будет достаточно.

Гнуса и комаров на Витиме немного, поэтому большой запас диметилфталата делать не следует. Но все же для спокойного сна на палатку необходимо сделать марлевый полог, хорошо закрывающий все щели.

Продукты на Витиме можно достать в каждом поселке. Всегда есть хлеб, сахар и крупа, кроме них обычно есть жиры, консервы, концентраты, Мука есть обязательно, но не высокого сорта. У местного населения можно купить картошки, молока, яиц. В магазинах цены процентов на 10 выше московских, у населения - примерно те же.

Наши расходы выражаются в следующих цифрах
(на человека);

Поезд Москва-Чита	- 460 р.
Автом. Чита-Ром-ка	- 60 р.

Поезд	Бодайбо-Артем	- 40 р.
Пароход	- Бодайбо-Осетрово	- 230 р.
Поезд	- Лена - Москва	- 360 р.
Питание	в походе и в дороге	- 750 р.
Расходы	на снаряжение	- 100 р.
Прочие расходы	(гостиница в Бодайбо, мелкие покупки)	- 50 р.
		<hr/>
		2050 руб.